

ИСПОВѢДЬ ЗЕМЛѢ ¹⁾.

Древне-русское двоевѣріе и исповѣдь землѣ.—I. Исповѣдь безъ духовника, предъ святынями.—II. Культъ земли.—III. Земля и совѣсть чело-
вѣка.—IV. Исповѣдь землѣ теперь.

Древне-русское двоевѣріе очень сложное, трудное для изученія, но въ высшей степени интересное явленіе. Будучи достояніемъ преимущественно неграмотнаго простонародья, жившаго туземнымъ преданіемъ, двоевѣріе не было чуждо и высшимъ классамъ общества, книжнымъ, подпавшимъ вліянію Византіи, и слагалось среди нихъ отчасти подъ воздѣйствіемъ народной вѣры христіанскаго востока—греческаго двоевѣрія, которое и само сложилось изъ разныхъ, довольно пестрыхъ элементовъ. Въ древней Руси двоевѣріе прошло нѣсколько стадій развитія: оно было той длинной лѣстницей, по которой въ теченіе вѣковъ поднималась мысль нашего народа отъ мрака язычества къ свѣту Евангелія. Начальная стадія—грубое двоевѣріе, когда населеніе смѣшанное и язычество существуетъ еще какъ организація. Грубый двоевѣръ—только что крещенный язычникъ: онъ молится въ храмѣ и подъ овиномъ, пріобщается и ѣсть идольскія жертвы, обращается то къ священнику, то къ волхву, постоянно готовъ отпасть снова въ язычество. Конечная стадія—двоевѣріе утонченное. Язычество какъ организація давно разрушено, и отпаденія отъ церкви стали невозможны. Преобладающее значеніе въ обиходѣ жизни и мысли получило уже христіанство. Однако народъ не успѣлъ освободиться

¹⁾ Рѣчь, произнесенная съ сокращеніями на актѣ Московской Духовной Академіи 1 октября 1912 г.

отъ нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ, потерявшихъ прежній смыслъ, а также отъ мифологическихъ представлений, которыя какъ дымка окружаютъ еще образы христіанскихъ святыхъ. Но между этими пунктами есть средняя стадія двоевѣрія, особенно интересная для изученія, когда оба элемента—и христіанскій и языческій—находятся какъ бы въ равновѣсїи, когда христіанство, возбуждая религіозную мысль народа, само нерѣдко служитъ матеріаломъ для мифологическаго творчества. Тогда возникаютъ самыя сложныя и причудливыя комбинаціи.

Въ настоящій часъ я попытаюсь разъяснить одинъ странный обрядъ русской древности, существующій по мѣстамъ и теперь, — *исповѣдь земля*. Обрядъ этотъ носитъ всѣ признаки двоевѣрія и на первый взглядъ непонятенъ. Что онъ такое: одинъ ли изъ моментовъ языческаго культа земли, лишь немного прикрытый видимостью христіанскаго обряда исповѣди, которая здѣсь не болѣе, какъ случайный придатокъ? Или же, наоборотъ, мы имѣемъ дѣло съ миссіонерскою аккомодациею христіанства, — другими словами, съ попыткой сдѣлать обязательнымъ для народа обрядъ исповѣди, хотя бы цѣною временной уступки эпитическому міросозерцанію, при чемъ земля играетъ лишь преходящую роль? Но возможно, что въ исповѣди землѣ равнозначущи оба элемента, и въ этомъ обрядѣ мы имѣемъ совершенно оригинальное явленіе въ области религіознаго творчества.

По первому и наиболѣе ясному свидѣтельству, исповѣдь землѣ встрѣчается не въ простомъ, темномъ народѣ, а, я сказалъ бы, среди интеллигенціи вольныхъ городовъ Пскова и Новгорода, въ сектѣ стригольниковъ (второй половины XIV в.—перв. пол. XV), которые, отвергнувъ іерархію и отдѣляясь отъ церкви, ссылались „на божественное писаніе и священныя каноны“, „изучили слова книжная“ и говорили къ народу отъ книжнаго писанія, главнымъ образомъ отъ Евангелія ¹⁾. Епископъ Стефанъ, вѣроятно, св. Стефанъ, просвѣтитель Перми, обличая стригольниковъ, пишетъ: „Еще и такую ересь прилагаете, стригольники,—велите челоуѣку землѣ каяться (а не поцу). А не слышите Господа, говорящаго: „исповѣдайте грѣхи свои и молитесь другъ за

¹⁾ Рус. Ист. Б-ка. VI, 191, 218, 227, 221.

друга, да исцѣлѣете⁴. Для того же святые отцы установили духовныхъ отцевъ, чтобы исповѣдывались имъ христіане. Какъ больной человѣкъ объявить врачу болѣзнь свою, и врачъ приложить ему лѣкарство сообразно съ тою болѣзнью, и исцѣлѣеть: такъ и духовному отцу исповѣдаетъ человѣкъ грѣхи свои, духовный же отецъ повелитъ перестать грѣшить и положить ему епитимію по грѣху, и того ради Богъ отпустить грѣхъ тотъ. А кто исповѣдается землѣ, та исповѣдь не въ исповѣдь: ибо земля—бездушная тварь, не слышитъ, не умѣетъ отвѣчать и не воспретитъ согрѣшающему. Потому не подастъ Богъ прощенія грѣховъ исповѣдающемуся къ землѣ⁴. Далѣе Стефанъ говоритъ, что исповѣдь землѣ—это злая сѣть, которую дьяволъ положилъ чрезъ Карна, основателя секты, чтобы отнять у духовенства іерейскую честь, власть вязать и рѣшить, данную Христомъ ¹⁾. Всмотримся внимательнѣе въ это старшее свидѣтельство объ исповѣди землѣ. Она установлена основателемъ секты. Отрицая іерархію и церковное покаяніе, стригольники поставили землю на мѣсто духовника: перечисляли ей грѣхи свои и вѣрили, что земля разрѣшитъ ихъ. Въ какіе обряды облакалась исповѣдь сектантовъ,—припадали ли, наприкладъ, они къ землѣ, совершали ли другія символическія дѣйствія, произносили ли, наконецъ, свои покаянныя молитвы, изъ приведенныхъ словъ еп. Стефана не видно. Не выясняется, къ сожалѣнію, и та идея, которая лежала въ основѣ обряда: почему на мѣсто священника стригальники поставили именно землю и какъ они смотрѣли на нее. Приходится искать разъясненія на сторонѣ, въ аналогичныхъ явленіяхъ византийской и русской древности.

Въ исповѣди землѣ содержатся два элемента: христіанскій—церковный институтъ тайной исповѣди и языческій—олицетвореніе земли, представленіе ея живымъ существомъ, способнымъ внимать покаяннымъ словамъ человѣка и примирать его грѣшную совѣсть. И для первой стороны явленія мы станемъ искать аналогіи въ данныхъ церковнаго быта, для второй—въ народномъ міросозерпаніи и бытѣ.

¹⁾ Р. И. Б. VI, 223—224. Изъ посланій митр. Фотія извѣстно также, что стригольники не приходили къ духовнымъ отцамъ на покаяніе. Ibid. 484, 485; ср. 480.

I.

Исповѣдь землѣ можно разсматривать какъ одинъ изъ видовъ болѣе общаго явленія—исповѣди безъ духовника, предъ неодушевленными предметами—разными святынями: иконою, гробницею святого и т. подоб. ¹⁾ Извѣстно, что въ древней церкви исповѣдь была открытая, публичная, при чемъ исповѣдывались одни тяжкіе (такъ называемые каноническіе) грѣхи. Вмѣстѣ съ торжествомъ тайной исповѣди въ церкви и паденіемъ публичной появляются строгія предписанія о необходимости перечислять духовнику грѣхи всей жизни (съ дѣтскаго возраста), тяжкіе и легкіе; давалось знать, что даже одинъ утаенный грѣхъ дѣлаетъ недѣйствительной всю исповѣдь ²⁾; отсюда совѣтъ—своевременно записывать грѣхи и являться на-духъ съ готовымъ ихъ реестромъ ³⁾. Предъ святынями исповѣдь происходила то открыто, то тайно; и въ первомъ случаѣ мы наблюдаемъ ясный остатокъ публичной покаянной дисциплины, во второмъ очевидное злоупотребленіе: вопреки строгимъ предписаніямъ утаивались отъ духовника грѣхи, притомъ наиболѣе тяжкіе; затѣмъ утаенный грѣхъ исповѣдывался предъ какой-нибудь святыней въ увѣренности, что за исповѣдью послѣдуетъ прощеніе.

Въ одномъ патерикѣ разсказывается. Константинопольскій вельможа тяжело заболѣлъ. Онъ имѣлъ вѣру къ Іоанну Златоусту и приказалъ нести себя въ храмъ Апостоловъ, гдѣ (съ 438 г.) почивали мощи великаго іерарха. Въ храмѣ мучимый недугомъ вельможа остановилъ свой взоръ на образъ Спасителя и началъ предъ нимъ каяться въ грѣхахъ своихъ. Дошелъ до самаго тяжкаго грѣха своей жизни и сказалъ: „и еще сотворилъ я лютое согрѣшеніе, но не смѣю изречь его, не смѣю, Человѣколюбецъ, не смѣю, милостивый“. И пришелъ къ нему голосъ отъ святого образа: „говори и это, не стыдясь“. Когда вельможа исповѣдалъ тяж-

¹⁾ Въ сектѣ цѣтовцевъ, какъ увидимъ далѣе (стр. 534), исповѣдь землѣ и предъ иконою Спасителя признаются какъ *взаимно замѣняющіе другъ друга обряды*.

²⁾ Проф. Заозерскій и Хатановъ, Номоканонъ Іоанна Постн., 75; ср. Суворовъ, Вѣроятный составъ испов. и пок. устава. Визант. Вр. 1901, в. 3—4, стр. 433.

³⁾ Проф. Алмазовъ, Тайная исповѣдь въ правосл. вост. церкви, I, 433. прим. 366.

кій грѣхъ, то услышалъ новый голосъ отъ образа: „оставля-ются тебѣ грѣхи твои“ и получили тотчасъ же исцѣленіе 1). Въ храмѣ Св. Софіи Константинопольской въ XV в. былъ образъ, называемый Спасъ-Исповѣдникъ; предъ нимъ каялись тайно въ тѣхъ грѣхахъ, „иже срама ради немощно исповѣдаться духовнику“ 2). Очевидно, исповѣдь предъ нѣкоторыми иконами Спасителя была обычной въ греческой столицѣ. По народнымъ греческимъ представленіямъ, икона является какъ бы живымъ существомъ: выслушавъ признаніе во грѣхахъ, она свидѣтельствуемъ чудеснымъ голосомъ о прощеніи ихъ. Такія своеобразныя народныя представленія очень выразительно описываются въ апокрифическомъ житіи преп. Нифонта, греческомъ памятникѣ X ст., известномъ и въ русскихъ рукописяхъ съ начала XIII в. Нифонтъ юноша, попавъ въ шумную греческую столицу, повелъ сначала очень веселую и прямо распутную жизнь, а потомъ раскаялся. „Вошедши въ храмъ, онъ со слезами сталъ молиться Богородице, и ему показалось, будто изображеніе улыбнулось. Видѣніе наполнило его отрадою. Вслѣдъ затѣмъ онъ нѣсколько разъ замѣчалъ, что образъ Богородицы улыбался ему, когда онъ каился и принималъ рѣшительное намѣреніе вести чистую жизнь и, напротивъ, образъ глядѣлъ на него сурово, когда предъ тѣмъ онъ допускалъ къ себѣ грѣшныя думы“. Однажды Нифонтъ, по бѣсовскому искушенію, усомнился въ истинѣ бытія Божія. Терзаемый сомнѣніями, онъ стоялъ на молитвѣ предъ образомъ Спасителя и спрашивалъ: „Извѣсти меня, что Ты существуешь,

1) Скитскій патерикъ, ркп. XVI в. Моск. Дух. Акад. № 59, л. 67. Этотъ рассказъ приводитъ и Никонъ Черногорецъ (*Пандекты*, 52 сл., по изд. Почаевъ, 1795 г., лл. 420—421). Вѣроятно, о томъ же образѣ пишетъ паломникъ нашъ Зосима (1419—1422 гг.): „Во святѣй же апостольстей церкви... образъ Господа нашего Іисуса Христа, емужъ исповѣдася мнихъ, впадъ въ блудъ, иже въ патерице писанъ: ижъ предъ образомъ исповѣдашеся и паки въ блудъ впаде“ (Прав. Пал. Сборн. XXIV, 6). Образъ, вѣроятно, тотъ же, что и въ рассказѣ Скитскаго патерика, но происшествія разныя. Не значить ли это, что исповѣдь предъ образомъ Спасителя въ храмѣ Апостоловъ была обычна? Ср. *И. А. Бычковъ*, Каталогъ собр. Богданова I, 138, ркп. № 85, л. 542 об. „О исповѣдавшемся ко образу Господа нашего Іисуса Христа“. Начальныхъ словъ статьи не указано.

2) *Хожденіе Зосимы*. Пр. Пал. Сбор. XXIV, 3.

едный Богъ“. „И такъ сказавши, стоялъ и ожидалъ, что услышитъ, и смотрѣлъ въ лицо честной иконы и видѣлъ, что просвѣтилось лицо святой иконы какъ солнце и все исполнилось неизреченнаго благоуханія“. Сомнѣнія Нифонта кончились ¹⁾.

Исповѣдывались предъ гробницами нѣкоторыхъ святыхъ. Паломники греческіе и наши описываютъ обрядъ покаянія предъ гробомъ св. Пелагій въ Иерусалимѣ. До обращенія въ христіанство Пелагій была великой грѣшницей ²⁾, и, можетъ быть, это обстоятельство объяснить намъ приуроченіе обычая къ ея гробницѣ. Спасенная блудница, какъ вѣрили, испросила у Христа милость—прощать грѣхи тѣхъ, кто исповѣдается на мѣстѣ ея упокоенія. Ея высокая гробница стояла въ углу церкви очень близко отъ двухъ стѣнъ, и желающій получить отпущеніе грѣховъ долженъ былъ открыто исповѣдать все грѣхи свои, потомъ обойти три раза гробницу. „И входящи чловѣци—поклонници первіе каются Богу всехъ грѣховъ своихъ у гроба ея, и тако единъ по единому обходятъ три краты вокругъ гроба святаго Пелагій. Преподобная же чудотворица за тяжескія грѣхи приписнетъ единъ часъ или два часа и отпуститъ“ ³⁾. По сообщенію другихъ нашихъ паломниковъ, исповѣдывались здѣсь собственно гробницѣ—„камни червлену“, и святая чудотворица „не пускаетъ (чловѣка), аще недостопнъ“ ⁴⁾.

¹⁾ *Костомаровъ*, Собр. сочиненій I, 164, 166. Житіе преп. Нифонта, изд. Общ. Люб. Др. Писм., вып. XXXIX, LXII, LXX, соотвѣтствующія страницы—22, 23 и 61. Замѣчанія о житіи см. у *Срезневскаго*, Др. памятники рус. письма и яз. ², 93, 122; у *Голубинскаго*, Исторія, I, 1², 909; у *Сергія*, Полный мѣсяц. Востока, II², подъ 23 дек. Въ житіи передается еще, что Нифонтъ исповѣдывалъ грѣхи свои непосредственно Спасителю и адептостолу Павлу (стр. 70—72, 124—125).—Въ Великомъ Зерцалѣ есть разсказъ „О нѣкоей женѣ, яже предстательствомъ Пресв. Богородицы по смерти пакы оживе и покался“ (*Проф. Пятусовъ*, Очерки по исторіи синодика, 205—207); содержаніе его показываетъ, что ежедневная исповѣдь предъ иконой Богоматери недостаточна для отпущенія грѣха, неисповѣданнаго иерею, но это склоняетъ Матерь милосердія къ ходатайству за грѣшницу предъ Спасителемъ. Женщина оживаетъ и кается священнику.

²⁾ Она обращена въ христіанство еп. Нонномъ и скончалась въ Иерусалимѣ ок. 457 г., память 8 октября.

³⁾ *Хожденіе Варсонофія* (1456 и 1461—62 гг.). Прав. Пал. Сборн. XLV, 9.

⁴⁾ *Хожденіе архим. Агревенія* (ок. 1370 г.). Пр. Пал. Сб. XLVIII, 11: „И въшедь ту есть гробъ св. Пелагій, а камень червленъ въ поясъ. къ

Обрядъ этотъ называли „Святая Исповѣдь“, „Исповѣданіе“ (*Ἐξομολόγησις Ἁγία, ἢ Ἐξομολόγησις*). Обычай публичной исповѣди предъ этой іерусалимской святыней держался вѣка: онъ упоминается съ пол. XIII в., а прекратился въ XVI или XVII стол. 1).

вному же исповѣдаются. И есть проходъ ко главѣ гроба тѣсень, и обходѣть гробъ друзи по тѣсву, а друзіа слабо“. *Хожденіе Зосимы*, Пр. П. Сб. XXIV, 16: „Пелагія блудница и гробъ ея, отъ стѣны яко локоть, и кто хочеть поитти мимо гроба ея, и она не пускаеть, аше недостойнъ“.

1) *Трифонъ Коробейниковъ* (1593 — 1596 гг.) упоминаеть объ обычаѣ, какъ бывшемъ прежде (Пр. П. Сб. XXVII, 42: „А прежде того странники приходя и тому гробу грѣхи своя исповѣдали“); между тѣмъ греческіе паломники XVI даже нач. XVII в. говорятъ о немъ, какъ о современномъ. Приводимъ въ хронологическомъ порядкѣ данныя греческой паломничей письменности объ исповѣди при гробѣ св. Пелагіи. *Краткій разсказъ о св. мѣстахъ Іерусалимскихъ Безмяямаго* 125³/₄ г. Пр. П. Сб. XL, 3 и 13: „Тамъ (на горѣ Елеонской) находятся тѣ два мрамора, гдѣ происходитъ исповѣдь: при нихъ, какъ говорятъ нѣкоторые, св. Пелагія испросила у Христа милость, чтобы тотъ, кто подойдетъ благочестиво и исповѣдается надъ ея гробомъ, получилъ окончательное прощеніе своимъ грѣхамъ: Тамъ происходитъ нѣчто чудесное. Мраморы, какъ говорятъ, удерживаютъ человѣка, пока не исполнитъ окончательной исповѣди. Потомъ онъ освобожденный прикладывается ко гробу святой“. *Описание въ стихахъ Іерусалъ: господскихъ чудесъ протонотарія Пердикы XIV в.* Пр. П. Сб. XXIX, 5 и 15: „Очень близко... гробница преп. Пелагіи, совершающая великое чудо для каждаго подходящаго. Стоя у бока стѣны, возносясь высоко надъ землею своими мраморами, она малымъ промежуткомъ отдѣлена отъ стѣны. Обычай таковъ, чтобы стремящіеся пройти черезъ это пространство, предварительнѣ совершали чистую исповѣдь во всемъ (*καθάρων πάντων ἔξαγορίαν*); если же кто скроетъ свои согрѣшенія, то мраморы приближаясь къ стѣнѣ сойдутся, пока онъ не произнесетъ искренней исповѣди (*ἔξομολόγησιν εὐληκῶνῃ ποιῶν*). Посему и наименовано это Святою Исповѣдью“. *Безмяянный о мѣстахъ Іерусалимскихъ пол. XV в.* *Migne P. G. t. CXXXIII, col. 977 и 980; рус. пер. М. А. Голубцовой*. Къ вопросу объ источникахъ др.-русскихъ хоженій во св. землю. „Покло-неніе св. града Іерусалима“ 1331 г. М. 1911 г., 69: „Гробъ (св. Пелагіи) отдѣленъ отъ стѣны на поль-ступни человѣческой. И стѣною тою вошедшій человѣкъ сжимается, и если только исповѣдается во всѣхъ своихъ грѣхахъ, (тогда) ничто не задержитъ выйти оттуда“. *Душеспас. разсказъ о св. Гробѣ и. XV в.* Пр. П. Сб. LVI, 31 и 170: „Тамъ келлія и гробница св. Пелагіи. Тамъ находится Исповѣданіе“. *Проскинитарій въ стихахъ 1596 г.* Тамъ же, 82 и 213: „Тамъ (при гробницѣ) видишь страшное зрѣлище, всѣхъ ужасающее, страшное, поразительное. Кто не подвизеть? Какъ не ужаснуться тебѣ, человѣкъ, и не прославить Бога, и послѣ этого ты уже не будешь грѣшить. Ты проходишь вокругъ гробницы Пелагіи и тебѣ необходимо разсказать все, что ты сдѣлалъ (*καὶ πάντα σοῦ ἔποιη-*

Исповѣдывались и предъ другими священными предметами. Въ Діаполь (Миддѣ), въ храмѣ великомученика Георгія находились колесо и колонна, къ которой, говорили, св. Георгій былъ привязанъ во время мученій. Въ повѣсти Епифанія объ Іерусалимѣ такъ передается о названныхъ предметахъ: „На этомъ же столбѣ есть пробуравленный мраморъ, дѣлающій знаменія (*вар.* на ея трапезѣ на правой сторонѣ храма стоитъ; онъ пробуравленъ и творитъ величайшія знаменія): если исповѣдаешься (*ἐὰν ἐξαγορεύῃς*), то можешь пройти безпрепятственно и легко; если же не исповѣдаешься, то не можешь пройти“¹⁾.—Въ іерусалимской церкви

σας ἀκούει καὶ τὰ λέγει); не расскажешь (*δεν τ' ἀφηγηθής*), будешь плакать. Когда же ты исповѣдаешь (*ἐξομολογήθῃς*) все свои грѣхи—прелюбодѣяніе, блудъ и другія прегрѣшенія, ты тотчасъ же освобождаешься отъ тисковъ, выходишь и поистинѣ оказываешься свободнымъ“. *О градѣ Іерусалимѣ нач. XVI в.* Тамъ же, 126 и 249: „Надъ гробницею ея (Пелагіи) камень, принесенный ангеломъ; и кто чистосердечно не исповѣдается, не можетъ войти, потому что его сжимаетъ камень“. *Проскинитарій и описаніе св. мѣстъ XVI в.* Пр. II. Сб. XLVI, 16 и 52 (ср. 82): „Сюда (къ гробницѣ Пелагіи) многіе приходятъ и исповѣдаются въ своихъ грѣхахъ. Кто приходитъ исповѣдаться, входитъ и проходитъ у гробницы святой; тамъ въ стѣнѣ мраморъ, близъ котораго и гробница преподобной; и проходятъ промежду двухъ камней, и камни сжимаютъ поклоняющихся и исповѣдающихся. И посему не можетъ пройти, пока не исповѣдаетъ грѣховъ своихъ — и тотчасъ проходитъ“. *Описаніе св. мѣста Іерусалимскаго, артис. папъ Сильвестру, XVI в.* Тамъ же, 97 и 117: „Спускаешься... и находишь св. Пелагію, лежащую во гробѣ надъ. Кто пойдетъ исповѣдаться, того сжимаютъ мраморныя плиты, пока не скажетъ всехъ своихъ грѣховъ“ (*ὡς καὶ εἶπε ὁ ἀεὶ τῶν ἐμπαρτίων*). *Паломникъ путешественникъ по св. гр. Іерусалиму 1608—1634 гг.* Пр. II. Сб. XIII, 26 и 62: „Тутъ найдешь гробницу преподобной Пелагіи: (здѣсь) есть два мраморные камня; кто пожелаетъ пройти, то, если не исповѣдается, не можетъ пройти“.

¹⁾ *Повѣсть Епифанія (Агіополита) о Іерусалимѣ.* Пр. II. Сб. XI, 25, 4 и 13, ср. 136—137. Приведенныя слова не принадлежатъ, вѣроятно, самому Епифанію (перв. пол. IX в. до 820 г.): они находятся во вставкѣ.—„Подобный обрядъ въ храмѣ Воскресенія въ Іерусалимѣ исполнялся даже въ XVII в. Вблизи „темницы Христовой“ находилось у стѣны мѣсто, гдѣ поклонники ради покаянія и епитиміи добровольно должны были пролѣзть между двумя небольшими колоннами, стоявшими очень близко одна къ другой. Прохождение было необыкновенно тяжело, и нерѣдко приходилось съ большимъ трудомъ вытаскивать застрявшихъ паломниковъ.—Въ концѣ того же столѣтія въ сторонѣ церкви (хора) находилась каменная доска на 4 столбикахъ, и ходило сказаніе, что тотъ не войдетъ въ царство небесное, кто не въ состояніи пролѣзть между этими столби-

„Святая святыхъ“ въ XVI ст. показывали „зерцало, во что Господь смотрился, и всякій человекъ, годомъ что согрѣшить онъ, посмотритца, и видитъ своя согрѣшенія вся, и онъ въ томъ каетца“¹⁾.

Обычай открытой или нѣмой исповѣди предъ святынями, довольно распространенный на христіанскомъ востокѣ, передавался отсюда на Русь главнымъ образомъ чрезъ паломниковъ и ихъ письменность. И у насъ появился обычай исповѣди предъ гробницами святыхъ и предъ иконами. Среди чудесъ Леонтія Ростовскаго есть такое. Чудотворецъ наказалъ разслабленіемъ соборнаго клирика. Клирикъ исповѣдаетъ грѣхи свои, „ко гробу святаго зря“. Смущенный народъ разошелся—дѣло было послѣ заутрени,—но епископъ велѣлъ подвести клирика къ ракъ святителя и шѣтъ литур-

ками“. *Тихонравовъ*, Собр. соч., 1, 293. Исповѣди грѣховъ и прощенія ихъ въ этотъ моментъ не предполагается: было здѣсь, повидимому, лишь удостовѣреніе въ нравственномъ состояніи человека—гаданье о его загробной участи, не больше. Этимъ обрядъ въ церкви Воскресенія отличается отъ „Святой Исповѣди“ при гробѣ Пелагіи и прохожденія сквозь колонну вмч. Георгія. „Объ этомъ обрядѣ, уже заглохшемъ, слышалъ гр. д'Эстурмель, и даже въ наши дни одинъ турецкій мулла рассказывалъ арх. Леониду то же преданіе относительно двухъ смежныхъ колоннъ въ мечети Эль-Акса (святая святыхъ)“. *Тихонравовъ*, *ibid.* Показывая эти колонны въ мечети, говорятъ: „кто пройдетъ черезъ колонны, тотъ пройдетъ и въ царство небесное“. Пр. II. Сб. XI, 137. Ближе къ разсмотрѣннымъ выше обрядамъ обычай на Синаѣ: „Никто не можетъ войти въ храмъ, находящійся на вершинѣ горы, если не очиститъ себя прежде исповѣдью“. Тамъ же.

¹⁾ Слово о нѣкоемъ старцѣ, подъ ред. Хр. М. Лопарева. Сборн. Отд. Рус. Яз. и Слов. И. Ак. Н. № LI, стр. 7. Въ одномъ константинопольскомъ монастырѣ хранились Страсти Христовы. И предъ ними вѣрующіе получали прощеніе грѣховъ, во, кажется, безъ исповѣди. „Аще кто придетъ на поклонъ страстемъ Господнимъ до великаго четверга, или по четвергу пришедъ поклонется Господню, и целуетъ въ распятіе и въ ларець и приемлетъ грѣховъ отпушеніе“. *Бесѣда о святыняхъ Цареграда*, подъ ред. Л. Майкова, Сборн. Отд. Р. Яз. и Слов. И. Ак. Н. № LI, стр. 18.

На западѣ Европы исповѣдь предъ святынями встрѣчается гораздо рѣже. Объ одномъ рыцарѣ первой четв. XVI в. рассказывается: тяжело раненый и чувствуя приближеніе смерти, но не имѣя священника, чтобы исповѣдаться, онъ водрузилъ въ землю свою шпагу, которая благодаря рукояткѣ имѣла форму креста, и предъ ней исповѣдалъ грѣхи свои. *L'abbé Paul Laurain*, De l'intervention des laïques, des diacres et des abbesses dans l'administration de la pénitence. Paris, 1894, pp. 48—49.

тію. Клирикъ снова исповѣдывалъ по ряду всѣ грѣхи свои отъ рожденія и молился. Во время чтенія Евангелія „принде ему гласъ, глаголя: человекѣ, оставляють ти ся грѣси твои“ ¹⁾.—Въ чудесахъ преп. Кирилла Бѣлаго Новозерскаго рассказано. Въ день его кончины (4 февраля 1532 г.) ученикъ преподобнаго Кириакъ, морской рыболовъ, былъ тяжко боленъ разслабленіемъ и не имѣлъ силъ проститься съ умиравшимъ наставникомъ. Почившій явился Кириаку и послалъ его ловить рыбу на утѣшеніе братіи. Проснувшись, Кириакъ почувствовалъ, что можетъ двигать руками и ногами „и повелѣ себе вести ко гробу блаженнаго Кирилла, и плачяся горцѣ со слезами, и исповѣда грѣхи своя аки живу, и прощеніе получи, и бысть здравъ отъ болѣзности“ ²⁾.—„Согрѣшихъ, такъ кается древне-русскій священникъ, въ клятву и въ преступленіе впадохъ: многожды убо падохъ предо образомъ Божиимъ, кляхся еже ми не согрѣшати и отцу духовному не покаяхся“ ³⁾. Очевидно, исповѣдь духовнику замѣнялась молитвой предъ иконой и клятвеннымъ обѣщаніемъ исправиться ⁴⁾.

Обычай исповѣди безъ духовника предъ святынями, возникшій на востокѣ и оттуда перешедшій на Русь, объясняетъ, мнѣ кажется, христіански-церковную сторону въ обрядѣ исповѣди землѣ. Покаяніе предъ святынями подска-

¹⁾ *Житіе св. Леонтія*, Прав. Соб. 1858, I, 313—314.

²⁾ *Житіе преп. Кирилла Новозерскаго*. Ркп. XVII в. Б-ки Троицкой Лавры № 696 (1877), лл. 122 об.—124.

³⁾ Требникъ XVI в. Б-ки Троицкой Лавры № 227 (996), л. 126 об.

⁴⁾ Но варианты къ этому тексту имѣютъ иной смыслъ. *Алмазовъ*, Тайн. исп. III, 236, по Требн. XVI в. И. Пуб. В-ки: „в клятву и въ преступленіе впадохъ: многожды убо падохъ предъ образомъ Божиимъ, кляхся еже ми не согрѣшати, и отцу духовному покляхся, и паки многожды согрѣшихъ“. Сборникъ XV в. Кир.-Вѣлоз. Б-ки (Петерб. Дух. Акад.) № 6/1083, л. 144 об. „Въ клятву и преступленія впадохъ, многожды убо падохъ предъ образомъ Божиимъ: кляхся еже ми не согрѣшати, и отцу духовному покаяхся и паки многожды согрѣшихъ“.—Въ рукописяхъ часто встрѣчается „Покаяніе и исповѣданіе утре и вечере предъ иконою или предъ крестомъ Господнимъ воедиѣ“. Для безпоповцевъ это „Покаяніе и исповѣданіе“ и замѣняетъ иногда или отчасти чинъ церковнаго покаянія. Но первоначально это было, вѣроятно, простымъ покаяннымъ молитвословіемъ, произносимымъ вѣрующимъ ежедневно, на обычной утренней и вечерней молитвѣ. Мы читали „Покаяніе и исповѣданіе“ по Общей Минеѣ, ркп. XV—XVI в. Моск. Дух. Акад. № 77, л. 121.

звало стригольникамъ легкій способъ обходиться безъ духовника въ своей исповѣди. Но ставя на мѣсто иконы или гробницы святого землю, наши сектанты слѣдовали, конечно, уже не церковнымъ или христіанскимъ, а народнымъ, чисто языческимъ представленіямъ. Стригольники, очевидно, почитали землю святыней, держались миѳологическихъ воззрѣній.

II.

Наши языческіе предки-славяне почитали землю какъ бога. Прямыхъ указаній на это въ древней письменности, сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается ¹⁾. Нѣтъ упоминаній и о жертвахъ землѣ. Но имѣется рядъ косвенныхъ данныхъ, которые убѣдительно доказываютъ, что нашъ земледѣльческій народъ глубоко чтить, прямо обоготворялъ свою кормилицу-землю. „Ты небо—отець, ты земля—мать“, говорится въ народномъ заклѣтѣи ²⁾. Но уже древній лѣтописецъ видѣлъ въ такихъ представленіяхъ отступленіе отъ истины православія. Обличая латинянь, которые будто бы „землю глаголють матерію“, лѣтописецъ разсуждаетъ: „да аще земля имъ мати, то отецъ имъ есть небо“ ³⁾. Ясно, что въ осуждаемыхъ лѣтописцемъ нехристіанскихъ представленіяхъ и въ народномъ заклѣтѣи земля мыслится супругою неба-Сварога, какъ греческая *Гея* супруга Урана. Уранъ и Гея—

¹⁾ Ссылка *Аванасьева*, Поэт. возр., I, 142, на древнее поученіе съ именемъ Кирилла (напеч. въ Москвитинѣхъ, 1844, I, 243), въ которомъ будто-бы древній проповѣдникъ воистаеетъ противъ нарицанія земли богомъ, по провѣркѣ оказалась неправильной.

²⁾ *Аванасьевъ*, Поэт. возрѣнія, III, 788. „Земля мать, небо отецъ“. *Ефименко*, Матеріалы по этногр. рус. насел. Арханг. губ., ч. II, Тр. Этн. Отд. Общ. Л. Естеств., Антроп. и Этногр. V, 2, стр. 152.

³⁾ Лавр. Лѣт. ³, 112; Ипат., 78; Новг. I, 59. *А. Поповъ* (Истор.-лит. обзоръ полем. сочин. противъ латин., 17—18) считаетъ это обвиненіе латинянь не греческаго, а русскаго происхожденія и сближаетъ его съ народнымъ выраженіемъ „мать сыра земля“. Но догадка Попова, что въ восточникѣ лѣтописца—трактатѣ противъ латинянь—стояло „матѣрію“ вмѣсто „матерію“, не можетъ быть принята: противъ нея контекстъ, какъ указано *Павловымъ*, Крит. опыты по исторіи гр.-русской полемики противъ латинянь, 17—18. Русской добавкой признаетъ это обвиненіе *Сухомлиновъ*, Исслѣдованія по др.-рус. литературѣ, 75—76; ср. проф. *Н. К. Никольскаго*, Матеріалы для повр. сп., 17.

божественная чета, отъ которой произошли всѣ остальные боги. Подобное представленіе было, повидимому, и у славянъ. Небо-Сварогъ—отецъ солнца Дажьбога и огня Сварожича по лѣтописи и обличительнымъ словамъ противъ язычества, а земля въ произведеніяхъ народнаго творчества называется матерью солнца, мѣсяца и вѣтра ¹⁾. Сходство двухъ славянскихъ божествъ съ греческими Ураномъ и Геей заключается еще и въ томъ, что какъ греческая божеская чета, такъ и славянская уступили свое мѣсто младшему поколѣнію боговъ; въ историческое время того и другого народа это были уже пережитые культы. Оттого то, можетъ быть, земля и не называется богомъ въ нашихъ письменныхъ памятникахъ; оттого, конечно, мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій о жертвахъ землѣ.

Обычное народное названіе земли—*Мать сыра земля* означаетъ: „земля увлажненная, оплодотворенная дождемъ, способная стать матерью“ ²⁾. Эта черта сближаетъ нашу землю уже съ греческой *Деметрой*, символомъ возрожденія хлѣба, богиней земледѣлія. „Не земля хлѣбъ родить, а небо“, говоритъ нашъ народъ ³⁾. Слѣдовательно, онъ мыслитъ землю пассивнымъ началомъ, опять таки супругою неба-Сварога.

Земля мать не только боговъ, но и людей. Человѣкъ сынъ земли. Это представленіе въ классическомъ мірѣ—въ народной религіи и официальныхъ культахъ—разработано съ необыкновенной послѣдовательностью и художественной законченностью ⁴⁾. Римляне, которые въ своемъ языкѣ такъ наглядно отмѣтили связь человѣка съ землею (*homo—humus*), соблюдали замѣчательные обычаи, пережитки глубочайшей древности, всего лучше доказывающіе ихъ вѣру въ землю, какъ мать человѣка. Новорожденного ребенка они клали на землю, съ которой поднималъ его отецъ. Первоначально это

¹⁾ Ипат. Лѣт., 200. *Слово нѣкоего христолюбца*: „огневи молятся, зовуще его Сварожичемъ“. *Пономаревъ*, Памятники ц.-учит. письм., III, 224. *Макушевъ*, Отзывъ о кн. Иречка, Исторія болгаръ. Ж. М. Н. Пр. 1878, мартъ, стр. 265.

²⁾ *Аванасьевъ*, Поэт. воззр., I, 127.

³⁾ *Даль*, Толков. словарь ³, I, 1691, артикль „Земля“.

⁴⁾ Дальнѣйшій трактатъ о классическихъ воззрѣніяхъ на землю составленъ по кн. *A. Dietrich's Mutter Erde, ein Versuch über Volksreligion.* Leipz., Berl. 1905.

былъ обрядъ посвященія и передачи дитяти божеству,—самой землѣ.—Если дитя до извѣстнаго возраста (до первыхъ зубовъ) помирало, его тѣло не предавалось сожженію, а погребалось въ землѣ въ той, полагають, увѣренности, что она можетъ принести душу къ новому рожденію. — Умпрающаго человѣка римляне клали на землю, и въ основѣ этого обычая лежала такая мысль: „человѣческая душа происходитъ изъ земли, въ землю возвращается она, и земля рождаетъ ее снова для новаго человѣческаго рожденія“¹⁾.

Греческіе поэты говорили: „одинъ родъ людей и боговъ, обои получаемъ дыханіе отъ одной матери“ (земли). Супруга неба земля оплодотворяется дождемъ какъ сѣменемъ, зачинаетъ и производитъ все живое, въ томъ числѣ и человѣка. „Все рождаетъ земля и все беретъ она опять“. „Земля все рождаетъ и снова гостепріимно принимаетъ“. И начало жизни человѣка и конецъ ея во власти земли, они неразрывно связаны съ нею. „Земля даетъ жизнь или отнимаетъ у смертныхъ людей“. Великія проблемы рожденія и смерти человѣка, бытія и небытія зылинь рѣшались наблюденіемъ надъ природой. Рожденіе и смерть представлялись ему кругооборотомъ, какой замѣчался и въ природѣ. Сѣмя, взятое изъ колоса опускается въ землю, цѣлѣбуется тамъ, какъ бы временно помираетъ, потомъ снова выходитъ изъ земли на солнечный свѣтъ (рождается) и производитъ такой же колосъ, такія же сѣмена. За смертью слѣдуетъ возрожденная жизнь. То же самое происходитъ и съ человѣкомъ. „По (греческому) народному воззрѣнію, души предковъ возвращаются изъ земли къ новому земному рожденію“. Это чередованіе жизни и смерти называлось кругъ рожденій (*κύκλος γενέσεων*). У афинянъ былъ многознаменательный обычай: на могильную насыпь они сѣяли хлѣбныя сѣмена, чтобы побудить матернюю землю снова родить на свѣтъ душу умершаго. Понятна отсюда заботливость древнихъ о погребеніи: погребеніе тѣла человѣка священная обязанность каждаго. „Кто позволилъ лежать непогребенному тѣлу, тотъ лишилъ его матери земли,

¹⁾ По воззрѣніямъ разныхъ народовъ, дѣти происходятъ изъ земли, деревьевъ, колодцевъ, рѣкъ и т. д.—Источникъ человѣческой жизни—земля считалась цѣлительницей отъ недуговъ: обрядовое прикосновеніе къ землѣ возвращало человѣку потерянные силы и здоровье.

которое она и родила, и обрекъ вѣчному уничтоженію дуну, жизнь, которую мать земля опять родила бы къ новому возникновенію¹⁾. Аѳиняне были увѣрены, что земля не дастъ новой жизни тому, кто не будетъ погребенъ въ родной землѣ. Поэтому предателей они хоронили внѣ Аттики и пепель послѣ сожженія бросали въ море: родная земля не должна оскверняться трупами измѣнниковъ. На этихъ представленіяхъ основывалась, вѣроятно, связь Деметры (а также римской богини Теллусъ) съ культомъ мертвыхъ. У аѳинянъ браки посвящались Урану и Геѣ, земная супружеская чета небесной. Деметра, богиня плодородія, представлялась также богиней брака. Но во время брака приносились жертвы еще и душамъ предковъ, обитавшимъ подъ землею, чтобы они снова родились въ дѣтяхъ новой четы.

Съ культомъ земли у аѳинянъ связаны знаменитыя Элевзинскія мистеріи. Ихъ главная мысль—служеніе Деметрѣ, матери-землѣ, управляющей въ то же время мертвыми. Мистеріи эти стояли въ связи съ идеей о циклѣ рожденій, по мнѣнію однихъ ученыхъ: посредствомъ сакраментальнаго акта посвященія человекъ становился дитятей матери для второй жизни; онъ входилъ въ нѣдра подземной богини и этимъ гарантировалъ себѣ новое рожденіе по смерти изъ божественной матери. По мнѣнію другихъ, цѣлью посвященій было не рожденіе для новой жизни, а блаженство за гробомъ въ царствѣ подземной богини, рожденіе въ вѣчность. Подмѣчено, что обряды посвященій похожи были на тѣ, которые совершались римлянами при рожденіи и смерти человека. И немудрено: тамъ и здѣсь служеніе одному божеству—землѣ, подательницѣ жизни. Въ Элевзинскихъ мистеріяхъ рядомъ съ Деметрой стояла ея дочь Кора или Персефона, похищенная богомъ смерти Плутономъ и потомъ возвращенная матери. Здѣсь впервые въ древней Греціи нашло себѣ внѣшнее выраженіе то, что есть религіознаго въ чувствѣ материнской любви. И каждый служитель культа искалъ для себя *μωτήριον*—сыновства богинѣ: вѣрующій и его божество были какъ дитя и мать. Здѣсь вѣра въ мать-землю возвышается до мистики.

Греческой философіи эти народно-религіозныя представ-

¹⁾ Ср. „Незавратимъ костюмъ вѣтъ упокоенія. *Энеида*, VI кн.

ленія о матери-землѣ, о кругѣ рожденій даютъ матеріалъ для построенія ученій о переселеніи душъ, о ихъ существованіи, ученій, которыя осложнены были идеями грѣха и искушенія и отразили на себѣ, вѣроятно, и иноземныя религіозныя вліянія.

На фонѣ классическихъ возрѣній на мать-землю намъ станутъ ясны пережитки культа земли въ русской древности, тѣ частныя черты его, въ которыхъ выражалась мысль объ отношеніи земли къ человѣку. Пережитки эти мы наблюдаемъ уже въ христіанское время, въ періодъ двоевѣрія, слѣдовательно, нѣсколько осложненнымъ содержаніемъ высшей религіи, но крайней мѣрѣ, въ перспективѣ и обстановкѣ христіанскихъ или полухристіанскихъ представленій и настроеній. Древняя церковь учила, что языческіе боги—бѣсы. Но народъ мыслилъ иначе. Боги для него идеальные образы и созданія первыхъ проблесковъ поэзіи, молодой испытующей мысли и проснувшейся совѣсти. Это лучшее, что онъ могъ создать духовно. Но вотъ явился Богъ боговъ, Богъ христіанскій. Непостижимый, незримый, невѣдомый онъ обиталъ въ высотахъ небесныхъ. Народъ привелъ къ Его престолу свои созданія и въ образахъ святыхъ и ангеловъ покорилъ ихъ подъ нозѣ Его. И лишь тѣхъ своихъ боговъ, которымъ не сумѣлъ онъ дать ни нравственнаго содержанія ни приличнаго вида, онъ прогналъ прочь отъ лица Господня, низвергнулъ ихъ темными бѣсами въ геенну. Однако среди боговъ языческихъ были и такіе, которые почти не испытывали этой ассимиляціи, не превратились ни въ святыхъ ни въ бѣсовъ, которые и въ христіанское время удержали свой первобытный образъ со всею свѣжестью красокъ. Таковъ, напримѣръ, домовый—божество родового культа. Изъ стихійныхъ божествъ такова до нѣкоторой степени земля. Мать-земля по ассоціаціи сходства не разъ ставится рядомъ съ Божіей Матерью, но никогда не сливается съ Нею ¹⁾.

¹⁾ Одна чародѣйка каялась, что она блудница, еретица, отреклась отъ Сына Божія, отъ Пресвятой Богородицы, отъ сырой земли, отъ солнца, отъ луны... *Мордосцевъ*, Рус. чародѣи и чародѣйки, Собр. соч. XX, 153. См. также ниже (стр. 526) поученіе противъ матерной брани.—Въ Сказаніи о Меркуріи Смоленскомъ плачь земли о гибели русскихъ дѣтей ея обращенъ къ Богоматери. „Это, нѣкоторымъ образомъ, говоритъ *Буславъ*, символическое сопоставленіе земли, какъ лица одушевленнаго, съ самою Бого-

Народъ нашъ зоветъ землю святою матерью или просто святою: „земля—свята мати“¹⁾. Зоветъ ее: „кормилица“, „поилица“, „питома“²⁾. Въ древне-русскомъ разсужденіи о язычествѣ читаемъ: „и въ землю вѣруютъ, также глаголюще, яко та насъ питаетъ и скоты наши“³⁾. Но всего чаще зовется она—*„Мать сыра земля“*. Названіе земли матерью свойственно и святоотеческой письменности³⁾; само по себѣ оно не содержало языческой мысли о ея божественности. Но въ устахъ двоенѣрнаго народа эти выраженія давали чувствовать пехристианскую мысль. Вотъ почему лѣтописецъ считаетъ названіе земли матерью отступленіемъ отъ православія. Есть посло-

матерью... *Мать сыра земля*, эта земная мать всѣхъ людей, смиренно передаетъ свое заступничество Матери Небесной, взявшей подъ свой покровъ всѣхъ православныхъ христіанъ“. Очерки, II, 178—182. Но въ одной лѣтописи тотъ же плачь обращенъ къ Господу Богу. *А. В. Марковъ*, Определ. хронологіи духов. стиховъ. Бог. Вѣсти. 1910, іюнь, стр. 365—366.— Мысль о тождествѣ земли и Богоматери въ народныхъ представленіяхъ есть у *Достоевскаго* въ „Бѣсахъ“. „Дурочка Марья Тимоеевна говоритъ:—„А по моему, говорить, Богъ и природа есть все одно... А тѣмъ временемъ и шепчи миѣ, изъ церкви выходя, одна ваша старица, на покаяніи у насъ жила за пророчество:—„Богородица что есть, какъ мнишь?“—Велика матъ, отвѣчаю, упованіе рода человѣческаго.—„Такъ, говорить, Богородица—великая матъ сыра земля есть, и великая въ томъ заключается радость. И всякая тоска земная, и всякая слеза земная—радость намъ есть; а какъ напоишь слезами подъ собою землю на полъаршина въ глубину, то тотчасъ же о всемъ и возрадуешься. И никакой, никакой, говорить, горести твоей больше не будетъ, таково, говорить, есть пророчество“. Но это „пророчество“ о томъ, что земля есть Богоматерь, не находитъ параллелей въ произведеніяхъ народнаго творчества. Можетъ быть, у *Достоевскаго* здѣсь просто символъ.

1) Чт. Общ. И. и Др. 1866, III, 706. „Не годенъ того, же го земля снятая на себѣ носить“. Въ эпическомъ привѣтствіи или здравницѣ: „Бувай здорова якъ рыба, гожа якъ вода, весела якъ весна, рабоча якъ пчола, а богата якъ земля святая“. Въ клятвѣ: „земля бы го святая не пріяма-ла“. *Буслаевъ*, Русскія пословицы и поговорки. Архивъ истор.-юр. свѣд. II, 2, 44. Очерки русской народной словесности, I, 120. „А бы тебе святая земля не пріяла“. *Е. В. Барсовъ*, Очерки народнаго міровоззрѣвія. Старая и новая Россія, 1876, III, 218.

2) *И. А. Бычковъ*, Каталогъ ркп. собранія Богданова, I, 197.

3) *Григорій Богословъ*: „Мартиніанъ ушель въ землю, матерь всѣхъ“. *Іоаннъ Златоустъ*: умершіе скрываются „въ нѣдрахъ матери всѣхъ земли“. Цитаты у *Dietrich'a*, о. с. 69 и 76. Въ апокрифѣ объ *Іоаннѣ Богословѣ* умирающій апостолъ говоритъ: „Привлекше землю—матерь мою, покрывае мя“. *Франко*, Апокрифи і легенди, III, 55. Ср. *Dietrich*, о. с., 69.

вица: „мать сыра земля! говорить нельзя“ ¹⁾, и въ ней слышится отголосокъ церковнаго обличенія культа земли.

Славянская мнѳологія, какъ извѣстно, не развилась еще до полнаго, отчетливаго антропоморфизма. Но земля въ христіанское время представлялась совершенно человѣкообразнымъ существомъ. Земля не бездушная тварь, она организмъ, подобный человѣческому тѣлу. „Земля сотворена яко человѣкъ: каменіе яко тѣло имать, вмѣсто костей кореніе имать, вмѣсто жилъ древесна и травы, вмѣсто власовъ быліе“ ²⁾. Земля существо женское и въ лицевыхъ рукописяхъ изображается она женщиной, иногда престарѣлой ³⁾. Народъ окрестилъ землю, какъ и другія свои святыни, христіанскимъ именемъ: ея имя Татьяна.

„Вода—дочка Ульяна,
Земля—мати Тетяно (вар. Татьяна),
Камне—брате Петро“.

„Добрыдень тоби, Романе—Колодезю, и тоби Водо—Ульяно и тоби, Земле—Тетяно“ ⁴⁾. Но именинницей земля бываетъ не

¹⁾ Архивъ истор.-юр. свѣд. II, 2, 190. *Снегиревъ*, Доп. и приб. къ собранію рус. народ. пословицъ. Только напрасно пословицу эту Снегиревъ ставить въ связь со стригольничествомъ (стр. 202, прим.)

²⁾ *Люцидаріусъ*, см. Лѣтоп. рус. литер. I, 2, стр. 54. По другимъ версіямъ, кости земли—камни. *Потобнл.* Объясненіе малор. и сродныхъ народныхъ пѣсень, II, 589. Сучки деревьевъ съ вѣтвями представлялись какъ руки съ пальцами. *Буслаевъ*. Очерки, I, 12 сл.—Ср. представленіе о *путѣ земномъ*, встрѣчающееся у древнихъ христіанскихъ писателей и у нашихъ паломниковъ. *Беселовскій*, Разысканія въ области дух. стиха, III, 42. прим. М. А. Голубцова, Поклоненіе св. граду Іерусаламу, 31.—У Кирика въ его „Ученіи, имже вѣдати человѣку числа лѣтъ“ говорится: „О землѣмъ поволеніи. Земля пакы поволяется за 40 лѣтъ: да тѣхъ поволеній въ толико жъ лѣтъ 166, а послѣдняго поволенія 4 лѣта“ („Ученіе“ писалось въ 6645 г. отъ С. М.) Подобныя представленія взяты, вѣроятно, изъ астрологіи. Труды Общ. И. и Др. IV, 1, стр. 126—127. Ср. Чт. Общ. И. и Др. 1847, № 6, стр. 32.

³⁾ *Буслаевъ*, Очерки, II, 138; ср. 179: „Художественная форма олицетворенія земля хотя и согласуется съ мнѣвическимъ народнымъ представленіемъ о *матери сырой землѣ*, однако въ нашу духовную литературу вошла, безъ сомнѣнія, изъ Византіи“. *Сухомликовъ*, Исслѣдов. по др.-рус. литер. 312—13: „Виз. картинка на текстъ: „земля вертепъ непреступному приносить“. Земля въ видѣ престарѣлой женщины въ зеленой нижней одеждѣ и красной верхней принимаетъ дитя въ свои объятія“.

⁴⁾ Киевская Стар. VIII, 697. Этногр. Обзор. XV, 160, *Васильевъ*. Антро-

12 января, а весною: въ Духовъ день или на Симона Зилота 10 мая, на другой день послѣ Николы весенняго, покровителя земледѣлія ¹⁾). Землѣ приписываются человѣческія дѣйствія и настроенія: „петь и не напьется“, дрожить или стучить при землетрясеніяхъ, плачетъ ²⁾).

Земля есть дѣйствительно мать человѣка, породившая его изъ своихъ нѣдръ, жалѣющая и пекущаяся о немъ при жизни и возвращающая его въ свое лоно по смерти. „Земля, земля, мати сырая! Всякому человѣку земля отецъ и мати“ ³⁾). Все существо человѣка продуктъ земли:

„Тѣлеса наши отъ сырой земли,
Кости крѣпкія отъ камени,
Кровь-руда отъ Черна моря,
Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ“ ⁴⁾).

Сердобольная мать земля любитъ и жалѣетъ дѣтей своихъ, плачетъ о нихъ во время великихъ бѣдствій. Въ годину

пом. представленія въ вѣрованія украинскаго народа. „Наша земля—мати Татьяна“. *Г. Булашевъ*, Украинскій народъ въ своихъ легендахъ, I, 329.

¹⁾ *Аванасевъ*, Поэт. возар., I, 144. *Мельниковъ-Печерскій*, Собр. сочин., VII, 443; ср. III, 4. Именинницу землю величаютъ такими словами:

„Мати сыра земля добра,
Уроди намъ хлѣба,
Лошадушкамъ овсеца,
Коровушкамъ травки“.

²⁾ Загадка: „есть три брата: одинъ ѣсть—не напьется, другой пьетъ—не напьется, третій гуляетъ—не нагуляется“ (огонь, земля, вода). *Krek*, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte², S. 855. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „Кликну, стукну земля“. „Дрогнетъ матушка сыра земля“. *Срезневскій*, Русскіе калики др. врем. Зап. И. Ак. Наукъ, I, 198; ср. *Аванасевъ*, Поэт. возарѣнія, I, 138.

³⁾ *Варенцовъ*, Духовные стихи, 155; ср. 152. „Земля еси, земля сыра матерая! Всѣмъ еси ты, земля отецъ и мати“ (Раск. дух. стихъ. *Везомовъ*, Калики перех. V, № 480). Въ Превіи земли съ моремъ читаемъ: „Земля рече: азъ есмь мати человѣкомъ и Богородици, и апостономъ, и пророкомъ, святымъ мужемъ и раю плодѣющему“. *Проф. Перетцъ*, Новые труды по источно-вѣдѣнію др.-русской литературы. Киев. Унив. Изв. 1907, № 10, стр. 120.

⁴⁾ *Везомовъ*, Калики перех., II, № 92, стр. 356. Бесѣда трехъ святителей: „Отъ коликихъ частей сотворенъ бысть Адамъ?... Отъ осьми частей: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солища очи, отъ камени кости, отъ облака мысли, отъ огня теплота, отъ вѣтра дыханіе, отъ свѣта... духъ“. Человѣкъ второй міръ малъ (микрокосмъ): есть бо небо и земля. отъ пупа до главы яко небо, и паки отъ пупа дольняя его часть яко земля“. *Щаповъ*, Сочиненія, I, 102. Ср. *Соколова* Матеріалы и замѣтки по старой славян. литературѣ, I, 8.

монгольскаго нашествія земля плакала предъ Богоматерью и Господомъ Богомъ, „жереломъ великимъ стоящи“, умоляя пощадить грѣшныхъ и наказанныхъ христіанъ русскихъ ¹⁾. Наканунѣ Куликовской битвы соратникъ Дмитрія Донскаго Дмитрій Волынѣцъ гадалъ. Сошелъ онъ съ коня, ужалъ на правое ухо къ землѣ, лежалъ нѣкоторое время и снова поникъ къ землѣ. Князь спрашиваетъ Волынца: „на пользу ли сія примѣта?“ Тотъ отвѣчаетъ не сразу по принужденію. „Княже великій, одна примѣта на пользу, а другая скорбна: слышалъ я, господине, какъ земля плачетъ на-двое—одна сторона горько плачетъ по-язычески о чадахъ своихъ, сильно крича, другая же сторона, какъ нѣкая вдовица, тихо и жалобно плачевнымъ голосомъ“ ²⁾. Земля плакала о дѣтяхъ своихъ и русскихъ и татарахъ, вышедшихъ на Куликово поле, чтобы лечь на немъ многотысячными костями.

Земля неисчерпаемый источникъ силъ и здоровья для человѣка. Прикосновеніе къ ней даетъ ему новыя силы. Русскіе богатыри набираются силъ, упавая на мать сыру землю. Въ народной сказкѣ богатырскій конь дважды ударяетъ пятой добраго молодца—такъ, что тотъ падаетъ на землю, и вслѣдъ за тѣмъ спрашиваетъ его: „много ль силъ прибыло?“—Прибыла сила великая, отвѣчаетъ молодецъ ³⁾.

¹⁾ См. выше стр. 515, прим. 1. Русскій временникъ, сирѣчь лѣтописецъ, М. 1820, I, 147—148.

²⁾ С. К. Шамбинаго, Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Сборникъ Отд. Рус. Яз. и Слов. И. Ак. Наукъ, т. LXXXI, № 7, прилож., 110 стр. *Варианты*: „Единая страна, аки жена нѣкая вдовица, а другая страна аки нѣкая дѣвица, аки свирѣль просопе плачевнымъ гласомъ“ (стр. 25).— „Единая земля, аки вдовица плачущая горкимъ плачевнымъ гласомъ, а со вторую страну аки дѣвица вопіеть, а третія земля, аки въ свирѣль плачевную добре жалостно просопѣ, а по рѣкѣ Непрядѣ какъ бы гуси и лебеди крылами плещуть“...—Добра примѣта сія. То, государь, аки вдовица плачущая—земля еллинская о погибели чадъ своихъ, а со вторую страну аки дѣвица вопіеть, то—ваша земля литовская, а что во свирѣль плачевную добръ жалостно просопѣ, то—земля руская, а что гуси и лебеди крылома плещуть, то колыблется земля рязанская“ (стр. 154). Затѣмъ, припавъ еще разъ къ землѣ, Волынѣцъ предсказалъ побѣду надъ погаными и „паденіе веліе христіаномъ“...—Въ древнемъ поученіи „Пророчество Исаино о постѣднихъ днехъ“ говорится также: „Земля восплачется, аки дѣвица красна“. Яковлева, Опытъ насльдванія Изма-рагда, 264.

³⁾ Адамасьевъ, Поэт. возар. II, 678. „Чтобы стать оборотнемъ, колдунъ и вѣдьма ударяются о землю“.—Дюкъ подвязываетъ земли сыроматерой

Отъ земледѣльца земля требуетъ огромнаго напряженія силъ. работы до истощенія ихъ. Быльшая „тяга земная“ оказалась не подъ силу даже могучему Святогору, за которымъ скрылся, вѣроятно, образъ библейскаго силача Самсона. Но сама же земля и возвращаетъ крестьянину положенныя въ нее силы. Въ иныхъ мѣстахъ Россіи жатва заканчивается обрядомъ глубочайшей древности—завиваніемъ бороды Волосу. Жнеи садятся при этомъ въ кругъ и поютъ слѣдующую пѣсню:

„Нива ты нива, вотъ твое поле!
Поле ты поле, вотъ твоя жнива!
Жнива ты жнива, отдай мою силу!
Я жала, въ тебя силы клала“.

Затѣмъ жнеи припадаютъ къ землѣ спиною для полученія силы и, перекувыркнувшись черезъ голову, всѣ поднимаются на ноги ¹⁾.

Земля порождаетъ цѣлебные знаки на пользу человѣку, исцѣляетъ и непосредственно. „Какъ здорова земля, такъ бы моя голова была здорова“, говорятъ, прикладывая песокъ со дна родника отъ головной боли. Больные лихорадкою отправляются на то мѣсто, гдѣ, по ихъ мнѣнію, приключилась болѣзнь, посыпаютъ вокругъ себя ячменной крупой и, кланаясь во всѣ стороны, произносятъ: „прости, сторона мать—сыра земля! вотъ тебѣ крупницъ на кашу“, и увѣрепы, что земля проститъ ихъ, избавитъ отъ лихорадки. Крупницы на кашу, быть можетъ, древняя жертва землѣ. Крестьяне нижегородской губ., получившіе при паденіи наземь какое-либо поврежденіе или ушибъ, ходятъ прощаться на то мѣсто, т.-е. молить, назазующую землю о прощеніи ²⁾. Знахарка говоритъ больной вывихомъ: „ты пойдѣ и поклонись три раза въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ тебѣ это подѣялось, мать сыра

подъ илечико подѣ правое и подѣ лѣвое, чтобъ не страшно было сидѣть на скачущемъ конѣ. *Рыбниковъ*, Пѣсни², I, 6 стр.

¹⁾ *Е. В. Барсовъ*, Слово о Полку Игоревѣ, I, 358—59. Варіантъ у *Аванасьева*, Поэт. возвр., I, 144. Жницы катаются по нивѣ, приговаривая: „нивка—нивка, отдай мою силку, что я тебя жала, силку роняла!“

²⁾ *Аванасьева*, I, 144—145. Обрядовое прикосновеніе къ землѣ извѣстно у другихъ народовъ Европы. См. *проф. Сулицова*, Культурныя переживанія. № 126, стр. 281—282.

земля и отпустить тебя“¹⁾. Среди суевѣрій яросл. губ. встрѣчается прощаніе съ землей. Во время „прытки“—болѣзни по неизвѣстной причинѣ—на девяти вечернихъ и утреннихъ зоряхъ прощаются съ землей словами: „прости, мать сыра земля, въ чемъ тебѣ я досадила“²⁾.

Въ лонѣ матери-земли человѣкъ находитъ вѣчное упокоеніе: рожденные отъ земли мы все въ нее ляжемъ. Человѣка, близкаго къ смерти, она зоветъ къ себѣ; умершаго принимаетъ. Князь Димитрій Шемяка, согнанный съ Московскаго престола, разбитый и бѣгавшій отъ войскъ Василія Темнаго, явился, наконецъ, въ Новгородъ и заѣхалъ въ Клопскій монастырь. Въ безпокойной головѣ князя роились новые замыслы, и онъ подѣлился ими съ братіей. Тогда юродивый Михаилъ Клопскій взялъ Шемяку за голову, погладилъ ее рукою и сказалъ ему трижды: „Князь, земля зоветъ тебя“. И вскорѣ князь былъ отравленъ въ Новгородѣ³⁾. Если у умирающаго человѣка выступаютъ на тѣлѣ темныя пятна, то въ Пошехоньи говорятъ, что это „земля у него выступаетъ на тѣлѣ“, „земля его къ себѣ зоветъ“. Отъ человѣка, который въ скоромъ времени умретъ, „пахнетъ землею“. Если ребенокъ на вѣсь весьма тяжелъ, то говорятъ, что „его тянетъ земля“: онъ скоро умретъ. Если ребенокъ растетъ пухлымъ и нѣжнымъ, то говорятъ: его „нѣжитъ земля“, онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ⁴⁾.—„Прими меня, матушка сыра земля“, причитаетъ

¹⁾ Н. Рудинскій, Знахарство въ скопин. и давков. у. рязанской губ. Живая Старина VI г. (1896), II, 179.

²⁾ Живая Стар. 1896, II, 239. У одного крестьянина дорогобужскаго у. не велся скотъ, издыхалъ. Ему посоветовали на восходѣ солнца выйти на дворъ и три раза безъ креста поклониться землѣ. Крестьянинъ это исполнилъ, скотъ сталъ вестись. Но онъ понялъ, что кланялся не Богу, и считалъ свой поступокъ грѣхомъ. (Сообщено Н. М. Гальковскимъ). Значитъ, земля считается источникомъ здоровья и для скота.

³⁾ *Житіе Михаила Клопскаго, первонач. редакція*: „Старецъ блаженный принялъ князя за голову, да погладилъ своею рукою, и рече 3-жды: „Княже, земля вопіеть ти“; второе и третицею: „княже, земля вопіеть ти“ Некрасовъ, Зарожденіе національн. литер., 36 стр. прилож. *Краткая редакція*: „Михайла за головку князя погладить да молвить: „княже, земля вопіеть и трижды молвить“. Тамъ же, *С. Редакція Василія Тучкова*: „Слыша (слышу?), князь, землю трикраты вопіюшу и тебе пріяти хотящу“. Памятн. стар. рус. литер. IV, 45. О житіи см. у Ключевскаго, Др. русскія житія, стр. 209, 239.

⁴⁾ А. Баловъ, Очерки Пошехонья. Этногр. Обзор. II, 96.

крестьянка, потерявшая близкаго человѣка ¹⁾). „Земля, земля сырая, родная всѣхъ мати, прими и меня въ нѣдро свое“, поютъ украинскіе слѣпцы ²⁾). Можетъ быть, такія представленія служили основой для народнаго обычая—класть на землю (или на солому) трудно умирающаго.

„Въ эти дни въ усадьбѣ барской
Смерть панской ждали...
Клали наземь, на солому,
Крышу разбирали;
Не живетъ, не умираетъ!“ ³⁾

Но земля не всѣхъ принимаетъ въ свои чистыя нѣдра. Народъ убѣжденъ, что колдуны и вѣдьмы, опойцы, люди, предавшіеся злему духу, проклятые родителями, отлученные отъ церкви, не гниютъ въ землѣ, остаются вѣчными трупами: земля ихъ не принимаетъ ⁴⁾). Отсюда о негодномъ человѣкѣ говоритъ пословица: „уродила мать, что и земля не примать“ ⁵⁾; отсюда же и такое пожеланіе врагу: „щобъ тебя окаяннаго земля не приняла“ ⁶⁾). У русскаго человѣка наблюдается трогательная заботливость лечь въ могилу чистымъ. Мертвеца непременно обмываютъ и переодѣваютъ. Наши солдаты передъ битвой надѣваютъ чистое бѣлье. Разъясненіе этого обычая мы находимъ въ житіи боярыни Морозовой. Въ боровской земляной тюрьмѣ Морозова почувство-

¹⁾ *Е. В. Барсовъ*, Причитанья сѣв. края, I, предисл. XXIV.

²⁾ *Сухомлиновъ*, Исслѣд. по др.-рус. лит., 300, 1 пр. Ср. пословицу: „Ватку, матку земля взяла, а намъ дѣткамъ воля своя“.

³⁾ *Шваченко*, Кобааръ въ рус. пер. подъ ред. М. Славинскаго, стр. 133. „Легче всего человѣку умирать на землѣ; особенно трудно умирать на перьяхъ (богачу)“. Если больной трудевь и умереть не можетъ, его спускали на полъ (у крестьянъ прежде земляной), теперь постилаютъ солому. Сообщено Н. М. Гальковскимъ.

⁴⁾ *Аванасьевъ*, III, 565. *Н. И. Серебрянскій*, Очерки по ист. Псков. монашества, 547. Въ „Повѣсти о началѣ Псково-Печерскаго мон.“ разсказываютъ: священникъ Иванъ похоронилъ жену свою въ богоданиной пещерѣ: „въ нощи жъ изоставлена бысть изъ земли нѣкоею невидимою Божию силою. Той же Иванъ священникъ, домысливъ со отцемъ ея духовнымъ, глаголя, яко, нѣчто погрѣшивше, не исправихомъ въ надгробнемъ, и отпѣвше разрѣшальную молитву наглаголавшу отцу ея и пакы погребоша“. Очевидно, оба священника думали, что земля не приняла тѣло въслѣдствіе неправильнаго исполненія чина погребенія.

⁵⁾ *Даль*, Толковый слов., I, 1691.

⁶⁾ Сербы говорятъ: „Тако ми земля кости ве изметала“. *Аванасьевъ*. Поэт. возвр., I, 142. См. выше, стр. 516, прим. 1.

вала приближеніе смерти. Единственная рубашка, бывшая на ней, требовала стирки. И вот боярыня обращается къ сторожу темницы: „Иди на рѣку и вымой мнѣ эту сорочку, ибо хочеть Господь взять меня отъ сей жизни. Было бы непристойно этому тѣлу въ нечистой одеждѣ возлечь въ нѣдрахъ матери своей земли“¹⁾. По народнымъ представленіямъ, земля покрываетъ мертвеца: „изъ гроба не встаетъ мертвецъ, покрыть матушкой сырой землей“, говорится въ заклятьи²⁾. Покрывая, она давить его. Вѣроятно, на этомъ представленіи основанъ обычай, встрѣчающійся у южно-русскихъ болгаръ: „когда опускаютъ гробъ въ яму, то каждый находящійся здѣсь долженъ бросить туда три раза по одной горсти земли и сказать: „пусть тебѣ будетъ легка земля“³⁾.

Земля представлялась между прочимъ мѣстомъ обитанія умершихъ. Въ обонезскомъ краѣ, встрѣчая умершихъ родителей на поминкахъ ихъ, говорятъ: „Чай, вы зазябли въ сырой землѣ, да и въ дорогѣ то не тепло, можетъ, было: погрѣйтесь, родные, на печкѣ“⁴⁾. Поэтому земля, гдѣ лежатъ предки, особенно священна: она земля рода—родная. „Съ родной (родительской) земли умри не сходи“, говоритъ пословица. Ее какъ святыню по горсти брали съ собою наши предки, уходя въ чужу-дальнюю сторону. „Уѣзкая надолго на чужую сторону, (въ Понехоньи) нѣкоторые берутъ съ

¹⁾ *Субботникъ*, Матер. для ист. раскола. VIII, 201. Судя по выраженію „возлечь въ нѣдрахъ“, погребеніе въ землѣ представлялось какъ будто новымъ рожденіемъ чловѣка въ ея нѣдрахъ для жизни вѣчной. Но встрѣчается и другой образъ.—образъ брака или брачной ночи съ землею. Раненый на смерть казакъ наказываетъ своему коню снести вѣсть о смерти: „Ты скажи молодой женѣ, что женился я на другой женѣ, на другой женѣ мать сырой землѣ; что за ней я ваялъ поле чистое, насъ сосватала сабля острая, положила спать калена стрѣла“ (*Владиміровъ*, Введеніе въ ист. рус. словесности, 65). Это, конечно, поэтический образъ. Но его можно сопоставить съ древнимъ апокрифомъ, въ которомъ погребеніе Авеля, перваго мертвеца, трактуется какъ брачная ночь его съ дѣвой—землею. *Ждановъ*, Собр. сочин., I, 782.

²⁾ *Ефименко*, Матеріалы по этногр. рус. насел. арханг. губ. II, 153.

³⁾ *Н. Державинъ*, Очерки быта ю.-рус. болгаръ. Этногр. Об. XXXIX, 116—117. По быльнѣ, Иванъ Грозный бросаетъ „трижды земли на могилу“. Сборникъ *Кириши Данилова*, изд. И. Ак. Н. подъ ред. Шеффера, 141. Ср. латинское: *sit tibi terra levis*.

⁴⁾ *Куликовскій*, Похоронные обряды обонезскаго края. Этногр. Об. IV, (1890, № 1), стр. 60. Ср. выраженіе „русалочки-земляночки“,—души, живущія въ землѣ.

себой щепотку родной земли, которую записываютъ въ ладошку“¹⁾. Катерина у Шевченко, рѣшивъ навсегда покинуть родной домъ свой,

„Вышла въ садикъ, помолилась,
Горсть земли набрала
И на крестъ ее въ мѣшочкѣ
Крѣпко навязала.
„Не вернусь“! проговорила:
Далеко умру я,—
И чужіе закопаютъ
Въ землю мнѣ чужую;
А своя щепотка эта
Надо мною ляжетъ
И про долю и про горе
Добрымъ людямъ скажетъ“.²⁾

Землю, какъ предметъ священный, человѣкъ можетъ оскорбить и осквернить, какъ живому существу, можетъ причинить ей боль. Есть легенда, „что когда землю начали впервые пахать, то она была живая и сильно кричала отъ боли, а борозды отъ плуга наполнились кровью. Но явился Богъ и сказалъ землѣ: „не плачь и не пускай крови, ты будешь кормить людей, но ты же и съѣшь ихъ всѣхъ“. Съ тѣхъ поръ земля утѣшилась и больше не кричитъ и крови не пускаетъ“³⁾. Такое представленіе дошло, вѣроятно, изъ того далекаго времени, когда человѣчество только начало перехо-

¹⁾ *Анамасевъ*. Поэт. возар., I. 147—149. *А. Валовъ*. Очерки Пошехонья. Этногр. Обзор. II, 96. Приходилось читать, что переселенцы наши берутъ родной земли въ Сибирь и кладутъ ее подъ новую хату на чужбинѣ.

²⁾ *Кобзарь* въ рус. пер. подъ редакціей М. Славянскаго. СПб. 1911 г., стр. 9.

³⁾ *В. Мошковъ*. Гагаузы бендерскаго уѣзда. Этногр. Обзор. II (1901. № 4), 58. Въ повѣсти *Короленко* „Марусина заимка“ разсказывается, какъ якуты противодействовали земледѣлію русскаго поселенца. Тайовша говорить ему: „Землю мы тебѣ отвели для божьяго дѣла: коси что самъ Богъ на ней уродить, а портить не можн... Грѣха этого у насъ не заводн.—Какой же грѣхъ? говорю.—Какъ же не грѣхъ? Богъ положилъ такъ, что на тебѣ, напримѣръ, сверху кожа, а подъ ней кровь... Ежели тебѣ кожу святъ да въ нутро положить, ты что скажешь?... Вы русскіе люди больно хитры,—Бога не боитесь. Богъ, значить, положилъ такъ, что трава растеть къверху, а коренье къ землѣ. А вы божье дѣло навыворотъ произвели: коренье кверху, траву закапываете. Земля-те наболить, травы родить намъ не станеть, какъ будетъ жить?“ Пока поселенецъ, вспа-

дѣть отъ кочевого образа жизни къ земледѣльческому. Человѣкъ, не довольствуясь тѣмъ, что получалъ отъ земли въ готовомъ, естественномъ видѣ, сталъ управлять ея производительными силами, и это показалось ему самому насиліемъ надъ землею. По народнымъ воззрѣніямъ, грѣшно даже попирать землю ногами, бросать ее горстью, плевать на нее и т. д. ¹⁾ „Не бой землю, говорятъ словаки, не дастъ тебѣ хлѣба“ ²⁾.

Въ древне-русскихъ епитимейникахъ упоминается странный грѣхъ „мужей и отроковъ“—лежать на землѣ ницъ или на чревѣ. „Грѣхъ есть легши мужницы на чреви на земли. опитемія 12 дней, поклонъ 60 на день“ ³⁾. „Легши ницъ три дни поста“. Въ одномъ перечнѣ человѣческихъ грѣховъ указанъ такой: „ничему спати на земли“ ⁴⁾. Интересно, что такое оскорбленіе землѣ-матери приравнивалось къ обидѣ родителей: „Аще отцу или матери лаялъ или билъ или, на землѣ лежа ницъ, какъ на женѣ игралъ, 15 дни“ (епитимія) ⁵⁾.

Оскорбляетъ землю сквернословіе. Древній проповѣдникъ, возстава противъ этого порока, говорить, что сквернымъ

хавшій цѣливу, спаять, якуты всѣ борозды повернули назадъ, травой кверху, а кореньемъ книзу. Разказы. III³, 209—210, 212.—Въ веневскомъ уѣздѣ, передъ тѣмъ какъ начать пахать весною, нѣкоторые старики пахари одѣваются накавунѣ въ чистое бѣлье. Начиная вести первую борозду, пахарь разувается и идетъ босой. Сообщено студ. Т. Н. Нечаевымъ.

¹⁾ См. ниже прощаніе старушки съ землею предъ исповѣдью, стр. 535—536.

²⁾ *Аранасьевъ*, Поэт. возр., I, 143.

³⁾ *Алмазовъ*, Тайн. исп., III, 279. Ср. Дубенскій сбор. XVI в. Петерб. Дух. Ак. № 129, л. 122: „Грѣхъ есть легши на чревѣ на землю, епитимія 15 дней сухоястя, а поклоновъ 30 заутра, 30 вечеръ“. Болѣе лаконичный текстъ въ Сборн. XV—XVI в. Чудов. Б-ки № 277, лл. 382 об.—383: „Грѣхъ есть легши на земли, имать опитемія 12 дни“. Чуд. Б-ки № 5 Требн. XIV в. „Легши на чревѣ ницъ ему 15. дн.“ *Алмазовъ*, III, 155: „или на земли ничъ лежалъ еси?“

⁴⁾ Сборникъ XVI в. Софійской Б-ки (Петер. Дух. Акад.) № 1454, л. 65. *Смирновъ*, Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины, стр. 46, ст. 15.

⁵⁾ Такой вопросъ читается въ двухъ сборникахъ XV в. Кирило-Бѣлов. Б-ки (Петерб. Дух. Ак.) № 22/1099, л. 436—438 об. (*Алмазовъ*, Т. исп. III, 151). и 9/1098, лл. 80 об.—83 об. „Вопросъ мужемъ“. Другими словами грѣхъ этотъ обозначается въ пововленіяхъ: „и ницъ лежа на земли, и въ водѣ, и на конѣ ѣздя блудъ створяхъ“. Требн. и служба. Б-ки Тронц. Лавр. 1474 г. № 224 (1072), л. 188 об. „Согрѣшихъ, ницъ лежа на земли и на водѣ, глумомъ подобная блуду сотворяхъ, въ томъ отче“ (прости мя). Требн. XVII в. И. Пуб. Б-ки Q. I, № 974, л. 84.

словомъ оскорбляется Матерь Божія, другая мать, родная всякому человѣку, и „третья мати—земля, отъ неяже кормимся, и питаемся, и одѣваемся, и тмы благихъ приедемъ, по Божію повелѣнію къ нейже паки возвращаемся, иже есть погребеніе“¹⁾.—По воззрѣнію древняго лѣтописца, земля оскверняется ложными вѣрами и человѣческими жертвоприношеніями²⁾.

III.

Земля святыня. Но этого не совсѣмъ еще было достаточно, чтобы предъ ней, какъ предъ иконою или гробницей святого, каяться во грѣхахъ. Рѣшающее значеніе, мнѣ кажется, имѣло то, что, по древнимъ представленіямъ, земля стояла въ близкихъ, интимныхъ отношеніяхъ къ больной человѣческой совѣсти—преступленіямъ человѣка, его грѣхамъ и просто къ его тайнамъ. Представленія эти создались, какъ сейчасъ увидимъ, изъ пережитковъ первобытной древности и вліянія народнаго восточнаго христіанства.

Земля мыслилась какъ судія и какъ искупительница грѣховъ. Ею клялись, при чемъ цѣловали и даже ѣли землю³⁾.

¹⁾ *Родоскій*, Описаніе 432 ркп. Петерб. Дух. Ак., 425—426. Правило, сокращенное изъ этого поученія, въ Серпуховскомъ Сборникѣ 1645 г. (собранія Буслаева) И. Пуб. В-ки Q. II. № 102, л. 179 и об. Кстати отмѣчаемъ другіе списки поученія противъ матерной брани: И. Пуб. В-ки (Древлекрав. Погодина) Сборн. XVIII в. № 1603, *А. Быховъ*, Опис. сборн., 278; Сборникъ XVIII—XIX в. И. Ак. Н. № 45. II. 5, лл. 354—55. Изв. Огд. Р. Яз. и Слов. И. Ак. Н. IX, 2, стр. 149.

²⁾ „Ихъ же вѣра (болгарь) оскверняетъ небо и землю“. „И привожаю сыны своя и дщери и жряку бѣсамъ, и оскверняху землю требамъ своими, и осквернися кровьюи земля Руска и холм-отъ“. Лавр. Лѣтоп. 3, 84, 77. Подобная мысль развивается въ словѣ съ именемъ Іоанна Златоуста о вочеловѣченіи Господа нашего Іисуса Христа. В. Ч.-Мисси, 13 ноября, в. VIII, 1695 стб.—Едва ли имѣютъ связь съ культомъ земли такіе грѣхи: „Въ земли не хороните (денегъ), то ны есть великъ грѣхъ“. Поученіе Мономаха, Лавр. Лѣт. 3, 237. Ср. „Топили казну въ сыру мать-землю“—грѣхъ. *Проф. М. Н. Сперанскій*, Духовные стихи курской губ., стр. 58. „Іерей аще тай (тайны) святая Божиа нѣкоя ради вины съкрыеть въ земи, да отлучится отъ іерейства“. *Смирновъ*, Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины, стр. 147, ст. 30.

³⁾ *Аванасьева*, I, 146—147. *Проф. Сулцова*, Былины о Добрынь и Марниѣ. Этногр. Обзор. XIII—XIV, 1892 №№ 2—3, стр. 153. „Жена чародѣйка поклалась мужу, что ало умысла не имѣеть и въ подкрѣвленіе своихъ словъ съѣла комъ земли“. Землею клянутся въ лудкомъ уѣздѣ, „при

При спорахъ о землѣ какъ одно изъ судебныхъ доказательствъ употребляется дернъ. Вырывается кусокъ дерна, одинъ изъ спорящихъ кладетъ его себѣ на голову и такъ обходитъ по межѣ, по границѣ участка, который онъ объявляетъ своимъ. Если онъ пройдетъ благополучно, это значитъ участокъ его. „Съ Богомъ! Берн что обошелъ: такъ разсудила мать сыра земля“. Если претендующій не правъ, тогда сама мать родная земля прикроетъ его навѣки¹⁾. Этотъ распространенный прежде обычай идетъ изъ глубокой дохристианской древности. На него указывается въ славянскомъ переводѣ словъ Григорія Богослова по ркп. XI в.²⁾ Много указаний на него въ древнихъ грамотахъ³⁾. Церковь боролась съ этимъ языческимъ видомъ присяги и старалась замѣнить дернъ христианскимъ символомъ—иконой. „Образовое хожденіе“ предписываетъ и уложеніе царя Алексѣя. Но результатомъ этихъ усилій было то, что начали употреблять и икону и землю: икону Пречистой брали въ руки, а дернъ клали на голову⁴⁾. Клятва землею самая страшная. Посошковъ пишетъ: „иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки святую икону и на голову дернину, да отводятъ землю и въ такомъ отводѣ смертно грѣшати; и много и того случается, еже, отводя землю и неправдою между полагая, и умирають на межѣ“⁵⁾. Очевидно, Посошковъ зналъ случаи смерти нарушителей клятвы. Такова сила внушенія! Одинъ клятвопреступникъ, добившійся спорной земли, какъ только сталъ на нее, тотчасъ же возопилъ великимъ голосомъ, — хотѣлъ

чемъ цѣлуютъ ее или съѣдаютъ щепотку земли“. *Г. Булашевъ*, Украинскій народъ въ своихъ легендахъ, I, 329. Клятва землею держится до сихъ поръ въ венежскомъ уѣздѣ. „Батюшка, положи какую хочешь епитимію, говорить крестьянина священнику, — давалъ зарокъ не пить, землю ѣлъ, а потомъ прорвало“. Сообщено студ. Т. Н. Нецаевымъ.

1) *Г. Соколовъ*, Земля-судья. Записки Геогр. Общества, VIII, 17—18. Обычай существовалъ въ 1878 г. въ каргоп. у. олонецкой губ. *П. Матеевъ*, замѣтка къ названной статьѣ. Тамъ же, 19 стр.

2) „А инъ градъ чететь, овъ же, дернъ въскрущъ (выкроенный) на главѣ покладая, присягу творить“. *Будиловичъ*, XIII словъ Григорія Богосл. въ др.-слав. переводѣ, 243.

3) См. *Аванасевъ*, Поэт. возар., I, 147—150, гдѣ указана старая литература по вопросу. *Павлова-Сильванскаго* Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ. Ж. М. Н. Пр. 1905 г., май—июнь (ч. 359), стр. 343—349.

4) Данные въ ст. *Павлова-Сильванскаго*.

5) О скудости и богатствѣ, изд. Погодня, 193.

объжать и не могъ: „Горе мнѣ окаянному, воцѣль онъ, эта земля на мнѣ стоитъ: она меня покрываетъ, она меня погубить! Вотъ уже и прахъ этой земли засыплетъ мои окаянные очи!“ Силою привели больного домой, а онъ все вопилъ: „О, горе мнѣ! эта земля какъ облако, виситъ надо мною, и на меня рухнетъ, и прахъ очи мои засыпаетъ“ ¹⁾.—Клятва съ дерномъ употреблялась, повидимому, еще при продажѣ себя въ полное, потомственное рабство. „Дерноватый холопъ“, „дерноватая челядь“—полные, вѣчные рабы ²⁾.

Какъ жалостливая мать земля покрываетъ собою грѣхи человѣка, но какъ судья иные грѣхи оставляетъ непрощенными. Послѣ смерти человѣка грѣхи остаются на землѣ. Такое возрѣніе свойственно еще книгамъ Сивиллъ: „Нечестіе, порокъ закроется землею“ ³⁾. Земля представляется какъ бы погребавоющей въ себя вмѣстѣ съ тѣломъ человѣка и грѣхи его. Погребая, она таитъ ихъ. „Земля покрываетъ грѣхи исповѣдающихся, падающихъ ницъ, а поканіемъ погребаетъ“, говоритъ одно странное греческое правило, предписывающее обязательность тайны исповѣди ⁴⁾. Слѣдовательно, земля принимаетъ въ себя грѣхи и по исповѣди, именно въ тотъ моментъ, когда кающійся надетъ ницъ на землю. Однако нѣкоторые грѣхи земля не таитъ и не прощаетъ. „Земля обѣщала себѣ открывать свои тайны“.

¹⁾ *Чудо Леонтія и Исая Ростовскихъ*, Лѣт. рус. лит., I, 2 сч., 77. Современникомъ этого происшествія былъ архіеп. ростовскій Трифонъ 1462—1467. Дернъ при отводѣ земли въ этомъ случаѣ не упомянуть, но, вѣроятно, онъ былъ на лицо по обычаю.—Представленіе о землѣ-судьѣ, именно карательницѣ могло держаться и благодаря библейскому разсказу о Дафанъ и Авиронъ, которыхъ пожрала земля. Въ повѣсти о посадникѣ Шилъ повторяется тотъ же самый мотивъ.

²⁾ Даныя см. въ ст. *Павлова-Сильванскаго*, стр. 348.

³⁾ Выдержка изъ книги Сивиллъ въ Постановленіяхъ Апост., V, 7, р. пер., 141—142 стр.

⁴⁾ *Смирновъ*, Духовный отецъ въ др. восточной церкви, I, 331—332. Здѣсь грѣхи представляются по аналогіи съ кровью, которую запрещалось вѣть и предписывалось проливать на землю (Лев. XVII, 12—14). Эта аналогія встрѣчается не разъ. Въ трактатѣ „Объ исповѣданіи грѣховъ“ съ именемъ патр. Софронія читаемъ: „кровь исповѣдающихся неподкупный Судія потребуетъ въ день суда отъ учителей“. *Migne P. G. LXXXVII, col. 3368*. А въ чинѣ исповѣди въ параллельномъ текстѣ разъясненіе: *ἀνεκαῖστος, ἥρουν τὴν καρτίαν ἀνοῦ*. *Алмазовъ*, III, 26.

т.-е. тайны убійства человѣка ¹⁾). Собирая въ себя грѣхи своихъ многочисленныхъ дѣтей, земля оскверняется ими, какъ бы принимая на себя отвѣтственность за нихъ, становится грѣшной и осужденной. Такая мысль ярко выражена въ греческомъ апокрифѣ „Хожденіе апостола Павла по мукамъ“. Солнце, луна, звѣзды, воды просятъ Господа наказывать людей за беззаконія. Просить и земля, которая „паче всея твари осуждена есть“. Она предлагаетъ Богу наказывать беззаконниковъ голодомъ, но разрѣшенія на такой судъ не получаетъ ²⁾). На этомъ апокрифѣ основанъ русскій духовный стихъ „Плачь земли“.

„Какъ расплачется и растужится
Мать сыра земля передъ Господомъ
Тяжело то мнѣ, Господи, подъ людьми стоять,
Тяжелѣй того людей держать,
Людей грѣшныхъ, беззаконныхъ,
Кои творять грѣхи тяжкіе:
Досады чинять отцу, матери,
Убійства и татбы дѣють страшныя...
Отвѣщаетъ землѣ Иисусъ Христось:
О мати, ты мати сыра земля,
Всѣхъ ты тварей хуже осужденная,
Дѣлами человѣческими оскверненная“ ³⁾).

Даже простыя тайны, тяготящія человѣка, земля можетъ принять, скрыть въ себѣ, освобождая его отъ нихъ. Есть любопытная сербская сказка о Троянѣ, представляющая вариантъ классической легенды о Мидасѣ. У царя Трояна были козлиныя уши. Къ нему ходили брить брадобрѣи. Кажддаго онъ спрашивалъ, что тотъ видѣлъ, и замѣтившихъ его козлиныя уши предавалъ смерти. Однажды брить царя пришелъ мальчикъ и на вопросъ Трояна, что онъ видѣлъ, догадливый мальчикъ сказалъ, что не видѣлъ ничего. Но тайна тяготила мальчика, онъ сталъ чахнуть и просить у хозяйна

¹⁾ Сербская поговорка. Цитируемъ по памяти. „Этого грѣха и земля не снесетъ“, говоритъ нашъ народъ.

²⁾ *Тихомировъ*, Памятн. отреч. письменности, II, 41. *Tischendorf*, *Aposcalypsur.* u. *Aposgurb.*, pp. 34—69.

³⁾ Въ связь съ апокрифомъ и духовнымъ стихомъ можно поставить Плачь земли въ Сказаніи о Меркури Смоленскомъ (*Буслаевъ*, *Очерки*, II, 187—188), а также въ лѣтописной повѣсти о вшествіи Батыя. *Марковъ*, *Опред. хронол. рус. дух. стиховъ*. *Бог. Вѣстн.* 1910 г., июнь, 364—367.

совѣта, какъ ему быть. Хозяинъ отвѣчалъ: „Скажи мнѣ тайну, я никому не передамъ; а если боишься, исповѣдай духовному отцу; а не то ступай за городъ въ поле, вырой яму, уткни въ нее голову и трижды исповѣдай свою тайну землѣ, а потомъ закопай яму“. Мальчикъ такъ и сдѣлалъ: сказалъ свою тайну землѣ. Но на этомъ мѣстѣ выросла бузина съ тремя вѣтвями, прямыми какъ свѣчи. Шелъ мимо пастухъ, сдѣлалъ изъ одной вѣтви свирѣль и только началъ играть, она заплѣла: „у царя Трояна козьи уши“¹⁾. Въ данномъ разсказѣ очень цѣнно указаніе на обрядъ передачи тайны землѣ, а также то, что земля замѣняетъ духовника. Это можно бы назвать исповѣдью землѣ, но для исповѣди не хватаетъ здѣсь двухъ важныхъ моментовъ: грѣха и покаянія.

Встрѣчаемъ мы, наконецъ, и покаянную мольбу, обращенную къ матери-землѣ. Въ одной молитвѣ, которая въ древней Руси читалась надъ преклоненными до земли молящимися, говорится: „И тебѣ, земле-матѣ, согрѣшилъ есмь душею и тѣломъ“²⁾.

Теперь мы знаемъ всѣ элементы, изъ которыхъ созданъ у стригольниковъ обрядъ исповѣди землѣ. Это, во-первыхъ, восточно-христіанскій обычай исповѣди безъ духовника, предъ святынями; во-вторыхъ, языческій культъ земли, державшійся въ двоевѣрномъ сознаніи нашего народа; въ-третьихъ, народное представленіе о землѣ-судѣ и представленіе о землѣ, искущительницѣ грѣха, которое развито опять таки въ восточномъ народномъ христіанствѣ. Народное христіанство востока сыграло здѣсь, несомнѣнно, очень большую роль. Нельзя даже отрицать возможности и того, что исповѣдь землѣ сформировалась на востокѣ и заимствована нашими древними сектантами уже въ готовомъ видѣ. Въ такомъ случаѣ народный культъ земли послужилъ только почвой, которая съ готовностью воспринимала то, что сѣялось на ней народнымъ христіанствомъ востока. Но до сихъ поръ не указано ни одного яснаго извѣстія объ исповѣди землѣ на вос-

¹⁾ *Буслаевъ*, Очерки, I, 386.

²⁾ *Голубинскій*, Исторія, II, 1, 399—400. По мнѣнію ученаго, стригольники, „могутъ быть, руководствовались“ этими словами молитвы въ своей исповѣди землѣ.—Въ канонѣ Андрея Критскаго говорится: „Воимѣ, небо, и возглаголю; земле, внушай гласъ, кающійся къ Богу и восхваляющій Его“. Но это не болѣе, какъ поэтическое обращеніе, частію заимствованное изъ Второз. XXXII, 1.

гокъ, и этотъ обрядъ признается какъ „вполнѣ оригинальная черта ереси стригольниковъ, которую послѣдняя отличается отъ всѣхъ другихъ вѣроученій“¹⁾. Такую исповѣдь они приняли или создали по нуждѣ. Обличители сектантовъ рисуютъ ихъ людьми строгой жизни, пуристами. Поэтому выбросить совсѣмъ покаяніе изъ своей доктрины они были не въ силахъ. Каяться же духовникамъ не могли, потому что отрицали іерархію за ея пороки, главнымъ образомъ за святокушество и мздоимство. Были у сектантовъ свои наставники, принявшіе на себя обязанности учителей вѣры, но, къ исповѣди они, повидимому, не имѣли отношенія. Могли бы, наконецъ, стригольники исповѣдываться христіанскимъ святынямъ: иконамъ, которыхъ, кажется, не отрицали, гробницамъ святыхъ. Однако не дѣлали они и этого. Книжные люди своего времени, строго судившіе церковныя нестроенія, стригольники, отвергнувъ церковное ученіе о таинствѣ покаянія, сами стали черпать изъ мутнаго источника—изъ возрѣвнѣй и обычаевъ народнаго христіанства востока; и поддались даже вліянію языческаго культа земли, живого въ ихъ время въ двоевѣрной массѣ народа: подслушали сказку земли и повѣрили ей²⁾.

1) А. В. Марковъ, Опред. хронол. рус. дух. стиховъ. Бог. Вѣст. 1910, июнь, 363.

2) Въ ученой литературѣ вопросъ о происхожденіи исповѣди землѣ далеко не выясненъ. Рудневъ не совсѣмъ точно передаетъ самое извѣстіе объ исповѣди стригольниковъ: „они положили, что довольно приносить покаяніе предъ однимъ Богомъ, въ сокрушеніи сердца повергаясь на землю“. Разсужденіе о ересьяхъ и расколахъ, М. 1838, стр. 74. Между тѣмъ въ древнемъ извѣстіи нѣтъ вовсе упоминанія о преклоненіи къ землѣ. Макарій лишь упоминаетъ о странномъ ученіи сектантовъ относительно исповѣди: „запрещая каяться предъ священниками, заповѣдывали каяться и исповѣдывать грѣхи къ землѣ“. Исторія, IV², 156—157. Филаретъ говоритъ еще короче: „запрещали принимать отъ священниковъ крещеніе, разрѣшеніе грѣховъ и евхаристію“. Исторія, II³, 74. Соловьевъ—ученіе стригольниковъ... „что должно каяться, обращаясь къ землѣ“. Исторія, т. 4, кн. I, по 1 изд. „Обществ. Польза“ стр. 1276. Попытка Голубинскаго объяснить происхожденіе исповѣди землѣ упомянута немногимъ выше (стр. 530, пр. 2). Мальшевскій пишетъ: Стригольники „не установили чего либо похожего на общую исповѣдь, какъ это дѣлали нѣкоторые другіе сектанты, а выдумали нѣчто свое: вмѣсто исповѣди у священниковъ они учили каяться самому, припадая къ землѣ. Не совсѣмъ понятно, что означалъ этотъ обрядъ. Полагаютъ, что этотъ обрядъ могъ означать тайную исповѣдь Самому Богу, а припаданіе къ землѣ

IV.

Въ одномъ духовномъ стихѣ мы имѣемъ, можно сказать, художественную иллюстрацію къ извѣстію еп. Стефана объ исповѣди землѣ.

совершалось для того, чтобы имѣть возможность сосредоточиться, подобно тому, какъ у нынѣшнихъ кальвинистовъ есть обрядъ по входѣ въ церковь, при первой личной молитвѣ закрывать глаза рукой, платкомъ или шляпой. Но допускаютъ также, что въ обрядѣ припаданія къ землѣ могло дѣйствовать по привычкѣ древнее языческое олицетвореніе земля-матери. По крайней мѣрѣ православные обличители замѣчали стригольникамъ по этому поводу: земля нѣма, не услышитъ васъ и не отвѣтитъ вамъ. „О зарожденіи религиозныхъ сектъ въ Россіи“. Тр. Киев. Академіи, 1883, III, стр. 664. То же самое повторяетъ *проф. Ѡ. И. Титовъ*: „Танчество покаянія стригольники удержали у себя, во совершалось оно у сектантовъ въ высшей степени странно и своеобразно... Нѣкоторые полагаютъ, что припаданіе стригольниковъ къ землѣ, во время покаянія ихъ Самому Богу, могло дѣлаться ими въ видахъ большаго сосредоточенія. Но, кажется, вѣроятнѣе будетъ предполагать, что стригольники калялись именно землѣ, которую какъ-то своеобразно въ данномъ случаѣ олицетворяли“. „Секта стригольниковъ“, Мисс. Обзор., 1896, апр. 1-я кн., 14 стр. Изъ мнѣическихъ представлений о землѣ объяснялъ исповѣдь стригольниковъ *Авамасевъ*, Поэтическія воззрѣнія, I, 143. *Тихомировъ*, ставившій стригольниковъ въ прямую связь съ „крестовыми братьями“—германскимъ хлыстами (гейссерами), сближаетъ исповѣдь землѣ русскихъ сектантовъ съ обрядомъ безмолвнаго покаянія „крестовыхъ братьевъ“. „Когда они хотѣли приступить къ покаянію, то ложились длиннымъ кругомъ на землю, и каждый ложился сообразно съ своимъ грѣхомъ: въроломный злодѣй ложился на бокъ и поднималъ у себя надъ головою три пальца; варушитель брачнаго союза ложился на брюхо: Такъ ложились они, смотря по сдѣланнымъ грѣхамъ; по тому и узнавали, какіе грѣхи кто изъ нихъ сдѣлалъ. Когда они улягутся такимъ образомъ, мастеръ ихъ, начиная гдѣ ему угодно, перешагнетъ черезъ одного изъ нихъ, ударитъ его своимъ жгутомъ и скажетъ“ слова разрѣшенія. Сочиненія, I, 214—216. *Проф. Ѡ. И. Успенскій* признаетъ наше стригольничество отпрыскомъ богомильской ереси и исповѣдь русскихъ сектантовъ объясняетъ изъ обрядовъ богомильства. „Намъ кажется совершенно излишнимъ усматривать въ этой якобы формѣ исповѣди мнѣологическій смыслъ значенія матери сырой земли. Здѣсь мы должны видѣть одинъ изъ внѣшнихъ признаковъ исповѣди, который могли наблюдать всѣ желающіе, такъ какъ и исповѣдь „богомиловъ“ (подобно молитвѣ у стригольниковъ) совершалась публично подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ православные могли замѣтить внѣшнюю форму безъ вниманія ко всему прочему. У богомиловъ отмѣчена слѣдующая форма исповѣди. Въ присутствіи діакона одинъ изъ кающихся произносилъ слѣдующую формулу: „мы пришли исповѣдать грѣхи свои передъ Богомъ и передъ тобой, ибо мы много согрѣшили словомъ, дѣломъ, зрѣніемъ, мыслями“;

„Ужь какъ кѣлсе молодѣцъ сырой земли:
 „Ты покай, покай, матушка сыра земля!
 Есть на души три тяжкіе грѣха,
 Да три тяжкіе грѣха три великіе:
 Какъ первой на души великъ-тяжекъ грѣхъ—
 Я бранилъ отца съ родной матерью;
 А другой на душѣ великъ-тяжекъ грѣхъ—
 Ужь я жилъ съ кумой хрѣстовою,
 Ужь мы прижили млáдого отрока;
 А третей-отъ на души великъ-тяжекъ грѣхъ—
 Я убилъ въ полѣ брателка хрѣстоваго,
 Порубилъ ишо чѣлованьцѣ хрѣстоно!“
 Какъ спроговоритъ матушка сыра земля:
 „Во первомъ грѣху тебя Богъ простить,
 Хошъ бранилъ отца съ родной матерью,—
 Втогда слупой былъ, да неразумной слылъ;
 И въ другомъ-то грѣху тебя Богъ простить,
 Хоша жилъ съ кумой со хрѣстовою,
 Хоша прижили млáдого отрока,—

при произнесеніи этой формулы всѣ кающіеся склонялись къ землѣ. Затѣмъ діаконъ произносилъ освободительныя отъ грѣховъ слова. Весьма вѣроятно, что въ нашихъ обличительныхъ сочиненіяхъ правильно переданъ внѣшній обрядъ преклоненія къ землѣ, но неправильно отождествленъ съ исповѣдью“. „Очерки по исторіи визант. образованности“, 357. Не затрогивая сложнаго вопроса о происхожденіи и сущности доктрины стригольниковъ, мы сдѣлаемъ лишь общія замѣчанія по поводу двухъ послѣднихъ объясненій исповѣди сектантовъ. Представляли ли стригольники германскихъ хлыстовъ или болгарскихъ богомиловъ, въ исповѣди они держались своихъ обрядовъ, не похожихъ на покаяніе ни тѣхъ ни другихъ. Ни у гейслеровъ ни у богомиловъ земля не играла главной роли въ обрядахъ покаянія, и толковать выраженія еп. Стефана „земли каются (а не попу)“, „исповѣдаться къ землѣ“, какъ указаніе на обряды однихъ или другихъ, значить приписывать русскому полемисту совершенно необъяснимую неточность: преклоненіе къ землѣ настолько обычный моментъ въ церковныхъ обрядахъ, что странно было бы для православнаго полемиста ставить его на первое мѣсто и снабжать неподходящимъ толкованіемъ въ смыслѣ исповѣди къ землѣ. Къ тому же преклоненія къ землѣ или лежанія на ней, какъ частнаго момента въ обрядѣ стригольничьей исповѣди, и не отмѣчаютъ собственно наши источники,—это предположеніе лишь ученыхъ (напр. Руднева), которое впрочемъ и отрицать нѣтъ оснований. Между тѣмъ на этомъ, только предположительномъ моментѣ обряда, строится то и другое объясненіе послѣдняго.—На правильный путь въ объясненіи исповѣди землѣ сталъ Афанасьевъ, но онъ не затронулъ вліянія народнаго христіанства востока.

Втогда холость жилъ, да нежонатый слылъ;
 А во третьемъ-то грѣху не могу простить,
 Какъ убилъ въ поли братѣлку хрѣстоваго,
 Порубилъ чѣловаицѣ хрѣстной!“¹⁾

Земля не прощаетъ убійство побратима. Выказано мнѣніе, что этотъ духовный стихъ прямо связанъ съ ученіемъ стригольниковъ, возникъ въ ихъ средѣ²⁾.

Исповѣдь землѣ существуетъ по мѣстамъ и въ настоящее время. Однако нельзя сказать съ увѣренностью, что это остатокъ исповѣди стригольниковъ. Обычай могъ имѣть не одинъ источникъ—секту стригольниковъ, могъ онъ возникнуть и параллельно, на почвѣ того же полуязыческаго сознанія народа. Тѣмъ болѣе естественно предполагать это, что въ послѣдующее время обычай является болѣе сложнымъ: исповѣдаются уже не одной землѣ, но и другимъ святынямъ двоевѣрнаго сознанія. „Царь водяной, царь земляной, царь небесный, прости мою душеньку грѣшную“,— вотъ покаянная молитва къ водѣ, землѣ и небу³⁾. Исповѣдь землѣ держится главнымъ образомъ среди безпоповцевъ. Приведа свидѣтельство еп. Стефана, протоіерей Андрей Іоанновъ сообщаетъ: „Есть такое же мнѣніе и у нынѣшнихъ раскольниковъ въ безпоповщинѣ, а особенно въ нѣтовщинѣ, которые толкуютъ, что лучше припадая къ землѣ или зря на небо, или стоя предъ иконою Спасителя покаяніе приносить, нежели предъ священникомъ“⁴⁾. Старообрядецъ Спасова согласія (самар. губ.) передавалъ мнѣ, что одна старушка его толка ежедневно прощается съ солнцемъ при его заходѣ, молится на него и проситъ прощенія во всемъ, что нагрѣшила днемъ.

¹⁾ *Варенцовъ*, Духовные стихи, 161. *А. В. Марковъ* записалъ еще два пересказа этого стиха: Матеріалы, собр. въ архангельской губ. *Марковымъ Масловымъ и Богословскимъ*, II, 41—42. Труды Муз. Этногр. Комм. т. II. Казань.

²⁾ *А. В. Марковъ*. Бог. Вѣстн., 1910, июль. 363.

³⁾ *Словарь рус. языка*, составл. Отдѣл. Рус. Яз и Слов. И. Ак. Наукъ, II, 9 вып. СПб. 1907, стб. 2579.

⁴⁾ Полное истор. извѣстіе⁵, I, стр. 10, прим. Вѣроятно, тѣхъ же нѣтовцевъ имѣеть въ виду *Е. В. Барсовъ*: „Въ безпоповщинскомъ толкѣ есть дѣлая секта, которая учитъ, что нужно каяться сырой землѣ, а не попу-никонианцу, и припадаютъ къ землѣ, исповѣдаютъ ей и грѣшныя мысли и грѣшныя дѣянія и просятъ у ней прощенія“ „Очерки нар. міровоззрѣнія и быта“. Старая и новая Россія, 1876. III, 218

По словамъ того же старообрядца, „поморскіе старики и старухи говорятъ: „если некому, то можно исповѣдывать п булинѣ“ (т.-е. былинкѣ, травѣ). О старообрядцахъ на Печорѣ извѣстно: „На исповѣдь усть-цылемы къ православнымъ священникамъ, конечно, не ходять и на приглашеніе священниковъ... отвѣчаютъ въ такомъ родѣ: „мы исповѣдаемся Богу и матери сырой землѣ“ или „я приложу ухо къ сырой землѣ, Богъ услышитъ меня и проститъ и проч. и проч.“¹⁾ Въ Сибири, гдѣ мало священниковъ, такая исповѣдь встрѣчается и среди православныхъ. „Отъ многихъ сибиряковъ мы слышали, пишетъ одинъ священникъ, что каются можно: и старикамъ, и землѣ, и дереву. Станешь возражать, а тебѣ въ отвѣтъ такой аргументъ: „ну, а какъ же быть то, если болѣсть захватитъ въ полѣ или въ лѣсу; кому же, какъ не землѣ или дереву каяться, коли человекъ-то не будетъ?“ Этотъ взглядъ безпоповщинскій, но онъ держится и у православныхъ сибиряковъ“²⁾.

Близокъ къ исповѣди землѣ обрядъ прощанья съ землею, который совершается предъ обыкновенной церковной исповѣдью. Послѣ прощанья съ родными старушка, бывшая раскольница (владим. губ.), кратко проситъ прощенія у краснаго солнышка, у свѣтлаго мѣсяца, частыхъ звѣздъ, зари утренней, ночей темныхъ, дробна дождичка, вѣтра буйнаго и, наконецъ, съ особой обстоятельностью у земли:

„Возвоплю я къ тебѣ, матушка сыра земля,
 Сыра земля, моя кормилушка поилица,
 Ввоплю грѣшная, окаянная, паскудная, неразумная:
 Что топтали тея походчивы мои ноженьки,
 Что бросали тея рѣзвы руценьки,
 Что глазѣли на тея мои зенки,
 Что плевала на тея скорлупеньки.
 Прости, мать питомая, меня грѣшную, неурядливу
 Рада Спасъ Христа, честной Матери,
 Пресвятой да Богородицы,
 Да Ильн пророка мудраго“.

¹⁾ Н. Ончуковъ, О расколѣ на Низовой Печорѣ. Живая Старина, г. XI (1901), вып. III—IV, стр. 438.

²⁾ Свящ. А. А. Азбукинъ, Исповѣдь у сибиряковъ. Правосл. Путев. 1904, февр., 294.

Если земля растаяла, то крестьянка, стоя на колѣняхъ, умываетъ руки землею; если нѣтъ, то снѣгомъ, взятымъ какъ можно глубже, и не очистивъ рукъ отъ земли, не отерши отъ воды, она такъ и идетъ до самой церкви ¹⁾. Во время умыванья рукъ землею или снѣгомъ, стоя на колѣнахъ, полунаклонившись и кланаясь по разнымъ сторонамъ (не оборачиваясь), старушка говоритъ:

„Еще разъ, моя питомая,
 Прикоснусь къ тебѣ головушкой,
 Испрошу у тея благословеньца,
 Благословеньца со прощеньцемъ:
 Что рвала я твою грудушку
 Сохой острою, расплывчатой,
 Что не катомъ тея я укатывала,
 Не урядливымъ гребнемъ чесывала,—
 Рвала грудушку боронушкой тяжелою
 Со желѣзнымъ зубьемъ да ржавьемъ.
 Прости, матушка питомая,
 Прости грѣшную, кормилушка,
 Ради Спасъ Христа, Честной Матери,
 Все святыя Богородицы,
 Да Овласія заступника,
 Да Ильи пророка мудраго,
 Да Егорья Побѣдоносчика“ ²⁾.

Прощанье съ землею предъ церковной исповѣдью есть, очевидно, не что иное, какъ народная исповѣдь землѣ, дополняющая церковную. Землѣ старушка исповѣдаетъ только тѣ грѣхи, которыхъ не спроситъ священникъ, грѣхи противъ самой земли,—остальные она скажетъ на-духу. Въ ея перечнѣ грѣховъ слышится ясный отголосокъ культа земли: благоговѣніе предъ святой матерью-землею, которую человекъ долженъ поспирать ногами, и священный ужасъ перваго зе-

¹⁾ „Старообрядцы предъ обѣдомъ и ужиномъ, за иеимѣніемъ воды, умываютъ себѣ руки землею, слѣдовательно, приписываютъ ей такую же очистительную силу, какъ и водѣ“. *Августинъ*, Поэтич. воззрѣнія, I, 143—144. Но при прощаньи съ землею старушка предпочитаетъ землею снѣгу или водѣ для омовенія рукъ. Слѣдуетъ поэтому понимать здѣсь очистительное значеніе земли въ болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ очищеніе однихъ только рукъ.

²⁾ Обрядъ прощанья съ землею сообщенъ мнѣ свящ. А. Н. Соболевымъ.

мледѣльца, которому приходится рвать грудь земли, заставляя ее служить себѣ.

Много папваго, чисто дѣтскаго, вызывающаго улыбку мы видѣли въ странномъ обрядѣ исповѣди землѣ и въ связанныхъ съ нимъ вѣрованіяхъ. Но въ немъ, въ самой основѣ его лежитъ трогательная мысль и глубоко затаенное чувство отвѣтственности предъ нашей матерью-землей. Это, конечно, одно изъ проявленій могучей „власти земли“ надъ народомъ, живущимъ землею. Но такое настроеніе не совсѣмъ чуждо и культурному челоѣку. Напомню сцену изъ „Преступленія и наказанія“ Достоевскаго. Раскольниковъ—убійца по идеѣ, изъ принципа—изнемогъ въ борьбѣ съ своею совѣстью. Вотъ онъ идетъ по Сѣнной площади въ Петербургѣ, набитой народомъ, даже не помня, гдѣ онъ находится. „Но когда дошелъ до середины площади, съ нимъ вдругъ произошло одно движеніе, одно ощущеніе овладѣло имъ сразу, захватило его всего—съ тѣломъ и мыслию. Онъ вдругъ вспомнилъ слова Сони: „Поди на перекрестокъ, поклонись народу, поцѣлуй землю, потому что ты и предъ ней согрѣшилъ, и скажи всему міру вслухъ: „я убійца!“ Онъ весь задрожалъ, припомнивъ это. И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно послѣднихъ часовъ, что онъ такъ и ринулся въ возможность этого цѣльнаго, новаго ощущенія. Какимъ-то припадкомъ оно къ нему подступило: загорѣлось въ душѣ одной искрой и вдругъ, какъ огонь, охватило всего. Все разомъ въ немъ размягчилось и хлынули слезы. Какъ стоялъ, такъ и упалъ онъ на землю. Онъ сталъ на колѣни среди площади, поклонился до земли и поцѣловалъ эту грязную землю съ наслажденіемъ и счастіемъ“...

С. Смирновъ.
